

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «СИДИКОВЫ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 73455/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

20 июня 2013 года

вступило в силу 4 ноября 2013 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Сидиковы против России»,
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая
Палатой, в состав которой вошли:
Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель*,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев,
Мирьяна Лазарова Трайковска,
Юлия Лаффранк,
Ксения Туркович,
Дмитрий Дедов, *судьи*,
и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,
проведя 28 мая 2013 года совещание по делу за закрытыми дверями,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 73455/11) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд, в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от двух граждан Республики Таджикистан, Фарруха Фазлидиновича Сидикова и Умедахон Ганиевны Сидиковой (далее — «заявители»), 29 ноября 2011 года и 25 января 2012 года, соответственно.
2. Интересы заявителей представляли И.З.Рябинина и Н.Ермолаева, адвокаты, практикующие в г. Москве. Интересы властей Российской Федерации (далее — «власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.
3. 6 декабря 2011 года Председатель Первой Секции, действуя по просьбе первого заявителя от 5 декабря 2011 года, решил применить правила 39 и 41 Регламента Суда, указав властям Российской Федерации, что первый заявитель не должен быть выдан в Таджикистан вплоть до дальнейшего уведомления, а также принял решение о рассмотрении жалобы в приоритетном порядке.
4. 22 марта 2012 года жалоба была коммуницирована властям Российской Федерации. Суд также решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители родились в 1972 и 1976 годах, соответственно, и проживают в г. Москве.

A. Предыстория

6. Заявители находятся в браке и имеют трех несовершеннолетних детей. Оба исповедуют ислам.

7. По словам заявителей, в 2003 году первый заявитель начал проявлять интерес к идеологии «Хизб ут-Тахрир», исламской международной организации, которая запрещена в Российской Федерации, Германии и некоторых республиках Центральной Азии. В 2004 году первый заявитель стал членом этой организации. По словам второй заявительницы, она находилась под влиянием идей «Хизб-ут-Тахрир» до 2006 года, а затем «добровольно отказалась» от них.

8. В 2003 году таджикские власти арестовали первого заявителя после нахождения листовки, изданной «Хизб ут-Тахрир», в хозпостройке, принадлежащей заявителю. По словам первого заявителя, листовки были туда подброшены. Во время содержания его под стражей, представители властей якобы избивали его, добиваясь признательных показаний в отношении его участия в деятельности «Хизб ут-Тахрир». По словам первого заявителя, в результате этих избиений у него была сломана кость левой пятки.

9. После освобождения из-под стражи, первый заявитель прятался в Таджикистане, а затем, в 2005 году, прибыл в Россию и обосновался там. Вторая заявительница прибыла в Россию с детьми в 2006 году, и присоединилась к первому заявителю.

10. 4 января 2005 года Министерство безопасности Республики Таджикистан обвинило первого заявителя в участии в преступной организации (пункт 2 статья 187 Уголовного кодекса Таджикистана); возбуждении расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды (пункт 3 статья 189 Уголовного кодекса Таджикистана); и публичных призывах к свержению политического строя или нарушению территориальной целостности Республики Таджикистан (пункт 2 статьи 307 Уголовного кодекса Таджикистана). Соответствующее решение гласило, в частности, что первый заявитель, являясь активным членом «Хизб ут-Тахрир», неоднократно распространял экстремистские листовки и литературу этой организации.

11. В тот же день Министерство безопасности Республики Таджикистан распорядилось о задержании первого заявителя и объявило его в розыск.

12. 21 февраля 2006 года прокуратура Согдийской области Таджикистана (далее — «Согдийская прокуратура») возбудила уголовное дело в отношении второй заявительницы по подозрению в ее членстве и активном участии в деятельности организации «Хизб ут-Тахрир».

13. В тот же день ей было предъявлено обвинение в причастности к запрещенной экстремистской организации в соответствии с пунктом 8 статьи 307-3 Уголовного кодекса Таджикистана, и она была объявлена в розыск.

14. 23 февраля 2006 года Согдийская прокуратура вынесла постановление о задержании второй заявительницы.

15. 18 апреля 2006 года вторая заявительница вновь была объявлена в розыск.

**Б. Ходатайство первого заявителя о предоставлении ему
российского гражданства под фальшивым именем**

16. 21 апреля 2009 года первый заявитель обратился в Федеральную миграционную службу с ходатайством о предоставлении ему российского гражданства, представившись как Тимур Муратович Абдуллаев, гражданин Кыргызстана, и подав паспорт и свидетельство о рождении, выданные на имя последнего. 20 июля 2009 года его ходатайство было удовлетворено.

17. Поскольку миграционным властям позже стало известно, что первый заявитель использовал поддельные документы, они обратились в суд с ходатайством об установлении факта, имеющего юридическое значение.

18. 5 апреля 2011 года Самарский районный суд г. Самары удовлетворил ходатайство миграционных властей. Суд отметил, в частности, что во время допроса в качестве свидетеля по уголовному делу первый заявитель утверждал, что его зовут Фаррух Фазлидинович Сидиков. В 2007 году, заплатив определенную сумму денег, он через своего знакомого получил паспорт и свидетельство о рождении на имя Абдуллаева, гражданина Кыргызстана. Он использовал эти документы для подачи ходатайства о получении российского гражданства, которое в конце концов получил под именем Абдуллаева. Кроме того, суд отметил, что первый заявитель сообщил суду в письменной форме, что не возражает против рассмотрения дела в его отсутствие. Он также признал, что представил поддельные документы с ходатайством о получении российского гражданства, пояснив это тем, что он покинул свою страну, используя фальшивое имя, поскольку опасался

преследования по религиозным соображениям. Суд выяснил, что документы, поданные первым заявителем, властями Кыргызстана никогда не выдавались. Таким образом, суд установил, что при подаче ходатайства о предоставлении российского гражданства первый заявитель предоставил ложную информацию и представил поддельные документы.

19. 11 мая 2011 года Федеральная миграционная служба, с учетом вышеизложенных выводов суда, объявила решение о предоставлении российского гражданства Тимуру Муратовичу Абдуллаеву недействительным *ab initio*.

В. Задержание первого заявителя и содержание под стражей в Российской Федерации

20. 7 декабря 2010 года, в ходе расследования, производимого в Российской Федерации в отношении деятельности организации «Хизб ут-Тахрир» в Москве, сотрудники московского управления Федеральной службы безопасности (далее — «Московское управление ФСБ») произвели обыск в квартире, где проживали заявители.

21. В тот же день заявители были доставлены в Московское управление ФСБ и допрошены в качестве свидетелей по вышеупомянутому делу. Первый заявитель утверждал, в частности, что он принял присягу как член «Хизб ут-Тахрир» в 2004 году в Таджикистане, и что он делал копии и распространял литературу, изданную данной организацией.

22. Позднее в тот же день первый заявитель был доставлен в Отдел внутренних дел по Мещанскому району, где, в силу соответствующих положений Уголовно-процессуального кодекса РФ, было вынесено постановление о его заключении под стражу, поскольку было установлено, что он был объявлен в розыск в связи с различными уголовными обвинениями, выдвинутыми против него в Таджикистане.

23. 9 декабря 2010 года Мещанский районный суд г. Москвы, приняв во внимание ходатайство Мещанской межрайонной прокуратуры и уголовное дело, возбужденное в отношении первого заявителя в Таджикистане, а также факт объявления его в розыск, со ссылкой на статью 61 Минской конвенции 1993 года и статью 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ (см. пункты 94 и 116 ниже), вынес постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу до 16 января 2011 в ожидании проверки перед выдачей. Первый заявитель данное судебное решение не обжаловал.

24. 11 января 2011 года Мещанский районный суд вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей до 7 июня 2011 года. Он утверждал, что не имелось никаких оснований для изменения меры пресечения, поскольку проверка перед выдачей в

отношении первого заявителя не была завершена, и, следовательно, отказ в продлении срока содержания первого заявителя под стражей сделал бы невозможной его выдачу в Республику Таджикистан. Суд также отметил, что первый заявитель обвинялся в совершении тяжких преступлений в Таджикистане, которые также являлись уголовно наказуемыми в соответствии с законодательством РФ; что он не имел постоянного или временного места жительства или регистрации в Российской Федерации; что в России ему никогда не предоставлялся статус беженца или вынужденного переселенца; и что имеются достаточные основания полагать, что после освобождения он может попытаться скрыться.

25. 9 февраля 2011 года Московский городской суд отклонил жалобу заявителя и оставил постановление суда первой инстанции в силе.

26. 3 июня 2011 года Мещанский районный суд г. Москвы вынес судебное решение о продлении срока содержания первого заявителя под стражей до 7 декабря 2011 года, указав, что проверка перед выдачей в его отношении еще не была завершена, что основания для меры пресечения остаются неизменными, и что в случае освобождения он может попытаться скрыться от правосудия. 6 июля 2011 года Московский городской суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, оставил данное судебное решение в силе. Адвокат первого заявителя в судебном заседании присутствовал.

27. 7 декабря 2011 года Мещанская межрайонная прокуратура вынесла постановление об освобождении первого заявителя. В постановлении указывалось, что первый заявитель находился под стражей в течение двенадцати месяцев, и что статья 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ гласит, что продление срока содержания под стражей свыше этого периода не допускается в отношении лиц, задержанных по подозрению в совершении таких преступлений, как те, в которых обвинялся первый заявитель. Первый заявитель был освобожден в тот же день под подписку о невыезде с его места жительства в Москве и с обязательством каждую неделю являться в Мещанскую межрайонную прокуратуру.

Г. Процедура выдачи в отношении первого заявителя

28. 9 декабря 2010 года Министерство внутренних дел Таджикистана подало прошение в отдел внутренних дел по Мещанскому району о заключении первого заявителя под стражу на время рассмотрения запроса о его выдаче, направленного Генеральной прокуратурой Таджикистана.

29. 29 декабря 2010 года Генеральная прокуратура Таджикистана просила Генеральную прокуратуру РФ выдать первого заявителя с

целью привлечения его к уголовной ответственности в Таджикистане в связи с обвинениями по пункту 2 статьи 187 (участие в преступной организации), пункту 3 статьи 189 (возбуждение расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды) и пункту 2 статьи 307 (публичные призывы к свержению политического строя или к нарушению территориальной целостности Республики Таджикистан) Уголовного кодекса Таджикистана.

30. В запросе о выдаче, в частности, указывалось:

«Мы гарантируем, что в соответствии с нормами международного права [первому заявителю] в Республике Таджикистан будут предоставлены все средства защиты, включая помощь адвоката; что он не будет подвергнут пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию ([см.] Европейскую Конвенция о защите прав человека и основных свобод, а также соответствующие конвенции Организации Объединенных Наций и Совета Европы и Протоколов к ним).

Преступления, в совершении которых обвиняется [первый заявитель], в соответствии с Уголовным кодексом Республики Таджикистан не наказываются смертной казнью.

Генеральный прокурор Республики Таджикистан гарантирует, что запрос о выдаче [в отношении первого заявителя] не преследует целей его преследования [на основании] расы, религии, этнического происхождения или политических взглядов.

На основании статьи 66 [Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам], [мы] обязуемся преследовать [первого заявителя] лишь за те преступления, в отношении которых он будет выдан Республике Таджикистан. [Первый заявитель] не будет выдан другому государству без согласия Российской [Федерации], и после рассмотрения уголовного дела и отбытия наказания сможет свободно покинуть территорию Республики Таджикистан».

31. 2 февраля 2011 года адвокат первого заявителя ходатайствовал перед Генеральной прокуратурой РФ об отказе в запросе таджикских властей о его выдаче, утверждая, что, в случае выдачи, он подвергается серьезной опасности подвергнуться пыткам.

32. В письме от 3 марта 2011 года Генеральная прокуратура РФ ответила адвокату первого заявителя, что таджикские власти предоставили гарантии того, что первый заявитель не будет подвергаться преследованиям по политическим, расовым, этническим или религиозным основаниям; что он не будет подвергнут пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению; что он будет преследоваться лишь за те преступления, в которых обвиняется; и что он сможет покинуть Республику Таджикистан после отбытия наказания. В письме также говорилось, что при рассмотрении запроса о выдаче в отношении первого заявителя Генеральной прокуратурой РФ, доводы первого заявителя будут приняты во внимание.

33. 20 мая 2011 года прокуратура Самарской области информировала Генеральную прокуратуру РФ о том, что в соответствии с судебным решением от 5 апреля 2011 года Самарский районный суд г. Самары установил, что при подаче ходатайства о предоставлении ему российского гражданства первый заявитель предоставил неверную информацию и представил поддельные документы на имя Тимура Абдуллаева, гражданина Кыргызстана, что, в конечном итоге, и послужило основанием для предоставления ему российского гражданства. Соответственно, решение Федеральной миграционной службы о предоставлении ему российского гражданства было аннулировано *ab initio*, а его паспорт, выданный 29 декабря 2009 года, был признан недействительным и подлежал изъятию. В возбуждении уголовного дела в отношении первого заявителя по этому основанию было отказано в связи с истечением срока давности.

34. 23 мая 2011 года Федеральная миграционная служба РФ также информировала Генеральную прокуратуру РФ о том, что в соответствии с судебным решением от 5 апреля 2011 года Самарский районный суд г. Самары установил, что первый заявитель при получении российского гражданства предоставил ложную информацию и представил поддельные документы. Соответственно, решение от 20 июля 2009 года о предоставлении ему российского гражданства было отменено 11 мая 2011 года.

35. 31 мая 2011 года администрация следственного изолятора ИЗ-77/4 г. Москвы, где содержался первый заявитель, сообщила прокуратуре Москвы о том, что первый заявитель во время содержания в вышеуказанном учреждении не подавал никаких ходатайств о предоставлении ему статуса беженца.

36. 15 июня 2011 года Московское управление Федеральной миграционной службы информировало Мещанскую межрайонную прокуратуру о том, что первый заявитель не был зарегистрирован в Москве по месту жительства и не заявлял ходатайств о предоставлении ему российского гражданства.

37. В неустановленный день после 14 июня 2011 года Московское управление Федеральной миграционной службы также информировало Мещанскую межрайонную прокуратуру о том, что первый заявитель не был зарегистрирован в Московской области по месту жительства и не заявлял ходатайств о предоставлении ему российского гражданства.

38. 30 июня 2011 года Генеральная прокуратура РФ частично удовлетворила запрос Генеральной прокуратуры Таджикистана и распорядилась о выдаче первого заявителя на основании обвинения в причастности к преступной группе или организации в соответствии с пунктом 2 статьи 187 Уголовного кодекса Таджикистана. В решении о выдаче указывалось, что все другие преступления, вменяемые первому заявителю в Таджикистане, не являются уголовными преступлениями

в соответствии с законодательством Российской Федерации, и, следовательно, запрос в данной части удовлетворен быть не может. В решении также указывалось, что первый заявитель являлся гражданином Республики Таджикистан, не имел российского гражданства, и что для его выдачи не имелось никаких препятствий.

39. Первый заявитель и его адвокат обжаловали решение о выдаче. Они указали на существование серьезного риска того, что первый заявитель в случае выдачи подвергнется жестокому обращению, поскольку в 2003 году, находясь в заключении, он уже подвергался пыткам на основании обвинений в участии в запрещенной религиозной организации. В этой связи они ссылаются, в частности, на постановление Европейского Суда от 21 октября 2010 года по делу *Гафоров против России (Gaforov v. Russia)*, жалоба № 25404/09, пункты 130-34, и постановление Европейского Суда от 12 мая 2010 года по делу *Ходжаев против России (Khodzhaev v. Russia)*, жалоба № 52466/08, пункт 100, которые касались дел о возможной выдаче из России в Таджикистан заявителей в связи с их предполагаемым членством в «Хизб ут-Тахрир», и в которых Суд признал, что выдача будет являться нарушением статьи 3 Конвенции. Первый заявитель и его адвокат также сослались на ряд докладов международных организаций, обозначивших ряд проблемных областей в отношении применения пыток в Таджикистане.

1. Решение Московского городского суда от 14 сентября 2011 года

40. В судебном решении от 14 сентября 2011 года Московский городской суд оставил решение о выдаче в силе. Суд отметил, что с 4 января 2005 года в отношении первого заявителя в Таджикистан велось уголовное производство по ряду обвинений, что в его отношении было вынесено постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, и что он был объявлен в розыск, поскольку его местонахождение было неизвестно властям Таджикистана. Он также отметил, что первый заявитель был задержан в Москве 7 декабря 2010 года как лицо, разыскиваемое властями Таджикистана. Суд также отметил, что первый заявитель являлся гражданином Таджикистана и не имел российского гражданства или статуса беженца.

41. Суд также отметил, что, в соответствии с решением о выдаче от 30 июня 2011 года, первый заявитель должен был быть выдан Республике Таджикистан в связи с его участием в организованной преступной группе, созданной с целью совершения тяжких и особо тяжких уголовных преступлений, что являлось уголовно наказуемым деянием согласно статье 210 Уголовного кодекса РФ. Он сослался на заявления первого заявителя, сделанные им во время допроса в

качестве свидетеля 7 декабря 2010 года. В частности, он отметил, что «[первый заявитель] не отрицал свое членство в [Хизб ут-Тахрир] и подтвердил свою верность ее целям, приняв присягу и регулярно выплачивая членские взносы». Суд указал, что такие действия были запрещены уголовным законодательством Таджикистана и карались лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет. Суд также постановил, что первый заявитель был осведомлен о том, что занимался запрещенной деятельностью, и что если он будет найден, он подвергнется уголовному преследованию, и поэтому посчитал, что последний покинул Таджикистан в целях избежания судебного преследования. В свете вышеизложенного, суд пришел к выводу о том, что первый заявитель «скрывался от уголовной ответственности за преступление, которое он совершил на территории Республики Таджикистан», и что «он не являлся беженцем, подвергшимся преследованию по политическим или религиозным соображениям».

42. Суд далее постановил, что первый заявитель не обращался к российским властям за получением статуса беженца; равным образом, он не пытался получить российское гражданство со ссылкой на преследование в Республике Таджикистан или по причине угрозы применения пыток за его взгляды. Вместо этого, он получил российское гражданство на основании ложной информации и фальшивых документов, с использованием фальшивого имени. На этом основании решение о предоставлении российского гражданства первому заявителю спустя некоторое время было аннулировано. Кроме того, из заявления первого заявителя, сделанного в ходе допроса 7 декабря 2010 года, было установлено, что он был осужден за изнасилование в Таджикистане, и что после того как он отбыл наказание в виде лишения свободы и был освобожден в 2004 году, правоохранительные органы Таджикистана заявили, что он находится под подозрением и они намереваются проверить, не был ли он вовлечен в совершение каких-либо других уголовных преступлений. Суд также отметил, что утверждения первого заявителя о жестоком обращении в Таджикистане не были подтверждены какими-либо доказательствами. По мнению суда, вышеизложенное не может служить основанием для установления того факта, что первый заявитель принадлежал к группе людей, преследуемых по причине их политических и религиозных убеждений, и подвергающихся риску жестокого и бесчеловечного обращения.

43. Кроме того, суд отметил, что таджикские власти предоставили необходимые гарантии в соответствии с международным правом, которые были учтены Генеральной прокуратурой РФ при принятии решения о выдаче первого заявителя. Суд добавил, что у него нет причин сомневаться в предоставленных гарантиях.

44. Суд также заявил, что аргумент первого заявителя о том, что он не совершал уголовных преступлений, в совершении которых обвинялся заявитель в Таджикистане, не может быть принят во внимание, поскольку, в соответствии с соответствующими положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, в ходе проверки законности и обоснованности решения Генеральной прокуратуры РФ о выдаче лица иностранному государству у судов не имеется полномочий для рассмотрения вопроса о том, совершило ли выдаваемое лицо те преступления, в отношении которых был получен запрос о его выдаче.

45. Поэтому суд постановил, что в отсутствие каких-либо оснований полагать, что первый заявитель рискует подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, и с учетом гарантий, предоставленных властями Таджикистана, решение о выдаче от 30 июня 2011 было законным и действительным, и что жалобы первого заявителя и его адвоката на данное решение должны быть отклонены.

2. Дальнейшее судебное разбирательство по обжалованию судебного решения

46. Первый заявитель и его адвокат обжаловали судебное решение от 14 сентября 2011 года. Они настаивали на том, что первый заявитель в случае выдачи рискует подвергнуться пыткам, принимая во внимание тот факт, что он подозревается в причастности к деятельности «Хизб ут-Тахрир». Адвокат первого заявителя также утверждал, что редакция вышеупомянутого решения нарушила его право на презумпцию невиновности, поскольку суд отметил, со ссылкой на заявления первого заявителя, сделанные во время его допроса в качестве свидетеля 7 декабря 2010 года и на слушаниях по делу, что он не отрицает свое членство в «Хизб ут-Тахрир».

47. 6 декабря 2011 года Верховный Суд Российской Федерации (далее — «Верховный Суд»), рассмотрев жалобу, оставил в силе судебное решение городского суда от 14 сентября 2011 года. В той части, в какой Московский городской суд оставил в силе решение о выдаче первого заявителя, Верховный Суд заявил, что данное решение было обоснованным и правильным. Что касается аргументов, касающихся нарушения Московским городским судом права первого заявителя на презумпцию невиновности, Верховный Суд указал следующее:

«Не имеется никаких доказательств того, что суд [первой инстанции] рассматривал вопрос о вине [первого заявителя]. Напротив, в своем решении суд указал, что аргументы первого заявителя о том, что он не совершал уголовных преступлений, вменяемых [ему] в Таджикистане, не могут быть приняты во внимание, поскольку, в соответствии с [соответствующими

положениями уголовно-процессуального законодательства РФ], в ходе проверки законности и обоснованности решения Генеральной прокуратуры РФ о выдаче лица иностранному государству, у судов [не имеется полномочий для пересмотра вопроса о том], виновно ли выдаваемое лицо в совершении [соответствующего преступления]...

Тот факт, что суд [первой инстанции] отразил в своем решении пояснения [первого заявителя], данные на слушании дела в отношении его выдачи в связи с его членством в «Хизб ут-Тахрир», не может считаться рассмотрением вопроса о его виновности».

Д. Содержание второй заявительницы под стражей в Российской Федерации

1. События 19 мая 2011 года и последующие жалобы второй заявительницы

48. По словам второй заявительницы, 18 мая 2011 года следователь Г. Московского управления ФСБ позвонил ей и сообщил, что на следующий день она должна будет явиться на допрос в качестве свидетеля. Вторая заявительница ответила, что она явится со своим адвокатом после вручения повестки.

49. 19 мая 2011 года в 9 часов утра сотрудники Московского управления ФСБ встретили вторую заявительницу у входной двери дома, где она проживала. По ее словам, сотрудники не представились, и она могла лишь предположить, что они являлись сотрудниками ФСБ, поскольку они предъявили ей повестку, обязывающую явиться к следователю Г. на допрос. Копия повестки, представленная в Суд, имеет рукописное замечание о том, что вторая заявительница «отказалась расписываться в получении повестки, не предоставив каких-либо объяснений относительно причин и мотивов» для такого отказа.

50. По словам второй заявительницы, сотрудники ФСБ заставили ее сесть в машину и отвезли ее в Московское управление ФСБ, где она находилась с 9:30 утра до 19:30 вечера. Согласно ее утверждениям, протокола о ее задержании не составлялось, в отношении нее не производились какие-либо следственные действия, и ей не разрешили связаться с ее адвокатом.

51. Согласно стенограмме допроса от 19 мая 2011 года, в этот день в период с 10:40 утра до 14:35 пополудни вторая заявительница была допрошена в качестве свидетеля. В протоколе допроса имеется рукописное примечание о том, что вторая заявительница отказалась его подписывать.

52. Позже 19 мая 2011 года вторая заявительница была доставлена в участок полиции, который находится в подчинении отдела внутренних дел по Мещанскому району, где сотрудник данного

участка составил, в присутствии адвоката второй заявительницы, протокол о задержании, в котором было указано, что в 19:30 вечера вторая заявительница задерживается в данном участке полиции в соответствии с положениям Уголовно-процессуального кодекса РФ как лицо, разыскиваемое властями Таджикистана по подозрению в совершении правонарушения, предусмотренного статьей 307 Уголовного Кодекса Таджикистана. Вторая заявительница указала в этом протоколе, что она не согласна с задержанием, что в действительности она находится под стражей с 9:00 утра, с момента, когда она была задержана сотрудниками ФСБ, и что ей отказали в возможности связаться со своим адвокатом.

53. 20 мая 2011 года вторая заявительница обратилась с жалобой в Мещанскую межрайонную прокуратуру. Она описала события, имевшие место 19 мая 2011 года, и попросила провести проверку действий сотрудников ФСБ, предпринятых в ее отношении.

54. В письме от 3 июня 2011 Мещанская межрайонная прокуратура ответила второй заявительнице, указав, что ее жалоба была рассмотрена, и что при проведении проверки относительно законности обжалуемых действий сотрудников ФСБ не было установлено каких-либо процессуальных или иных нарушений закона, и, следовательно, у прокуратуры не имелось оснований для принятия каких-либо мер в этом отношении. В письме второй заявительнице также сообщалось о возможности обжаловать ответ в вышестоящий орган прокуратуры.

55. 7 июня 2011 года первый заявитель предоставил адвокату заявителей письменное заявление о том, что во время его допроса в качестве свидетеля 19 мая 2011 года государственные должностные лица показали ему документы, подтверждающие факт объявления второй заявительницы в розыск. Они якобы сказали ему, что в случае его отказа подписать некоторые заявления его супруга будет задержана.

56. 10 июня 2011 года адвокат второй заявительницы подал жалобу в суд на действия сотрудников ФСБ в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Она жаловалась, что в период между 9:00 утра и 19:30 вечера 19 мая 2011 года вторая заявительница подверглась непризнанному задержанию, и что во время проведения допроса было нарушено ее право на предоставление юридической помощи.

57. 20 июня 2011 года сотрудник ФСБ З. подал рапорт своему начальнику в отношении событий, имевших место 19 мая 2011 года. Рапорт также был представлен в Мещанский районный суд г. Москвы. Согласно рапорту, 7 и 13 декабря 2010 года вторая заявительница была допрошена в качестве свидетеля по уголовному делу в отношении ряда граждан Таджикистана. 18 мая 2011 года сотрудник З. получил приказ установить местонахождение второй заявительницы, поскольку у нее

отсутствовала регистрация по месту жительства и, если ее местонахождение будет установлено, вручить ей повестку о явке 19 мая 2011 года на допрос в связи с вышеуказанным уголовным делом. В последний день, примерно в 9:00 утра сотрудник З. вместе с сотрудником Л. прибыли на нынешнее место проживания второй заявительницы. Они позвонили ей по телефону, но, поскольку на звонок никто не ответил, оставались в машине, ожидая ее у входа в дом. Примерно в 9:12 утра вторая заявительница вышла из дома. Оба сотрудника подошли к ней, представились, и представили свои служебные удостоверения, подтверждающие их статус сотрудников ФСБ. В то же время они пояснили, что обязаны вручить ей повестку о необходимости явки на допрос, и вручили ей данную повестку. Вторая заявительница отказалась принять повестку или расписаться в принятии соответствующего документа, заявив, что адвокат рекомендовал ей не подписывать какие-либо документы в его отсутствие. Сотрудник З. зачитал повестку, сообщив ей, что она вызывается на допрос 19 мая 2011 года в 9:00 часов утра, и напомнил второй заявительнице, что ранее она уже допрашивалась в связи с этим делом, и у нее был номер телефона следователя. Таким образом, она могла позвонить ему и удостовериться в действительности повестки. Он также напомнил ей, что она обязана явиться на допрос, и что для ее явки могут быть применены меры процессуального принуждения. Она ответила, что не пытается избежать допроса, но не собирается делать это именно в 9:00 утра. Тогда сотрудник З. предложил ей позвонить следователю и согласовать время допроса. Она согласилась это сделать, тем не менее, она вновь отказалась расписаться в принятии повестки, пояснив, что явится в другой день и ответит на все заданные ей вопросы. Тогда, в присутствии второй заявительницы, сотрудник З. отметил на повестке факт отказа в получении и время отказа. После этого он и сотрудник Л. вернулись в машину. Тем не менее, вторая заявительница затем подошла к ним и сказала, что она не будет звонить следователю и согласовывать другое время, если они смогут подвезти ее на допрос. Они согласились. Сотрудник З. был за рулем, сотрудник Л. находился на переднем пассажирском сиденье, вторая заявительница сидела на заднем сидении. Свобода ее передвижения не была ограничена каким-либо образом, во время поездки она разговаривала по мобильному телефону и отправляла текстовые сообщения. Она не выказывала каких-либо признаков беспокойства относительно предстоящего допроса и не заявляла каких-либо просьб, например, связаться с ее адвокатом или ее семьей. После того, как они прибыли в здание ФСБ, вторая заявительница поговорила со следователем, который вызвал ее на допрос. Позже в этот же день они получили дополнительную информацию о том, что вторая заявительница была объявлена в международный розыск. После

допроса второй заявительницы, в какой-то момент времени после 14:45 пополудни, сотрудник З. уведомил следователя и вторую заявительницу об этой новой информации. Вторая заявительница утверждала, что она знала об этом факте. Тогда сотрудник З. связался с отделом внутренних дел по Мещанскому району, куда он передал процессуальные документы, полученные от властей Таджикистана. Вторая заявительница была доставлена в отдел внутренних дел для заключения под стражу. Вечером 19 мая 2011 сотрудник З. встретился с Е., которая представилась как адвокат второй заявительницы и пояснила, что подала жалобы на действия сотрудников ФСБ в прокуратуру и в Мещанский районный суд.

58. 20 июня 2011 года сотрудник ФСБ Л. представил рапорт своему начальнику в отношении событий, имевших место 19 мая 2011 года. Содержание рапорта было похоже на рапорт сотрудника З.

59. Решением от 1 июля 2011 года Мещанский районный суд г. Москвы прекратил производство по жалобе заявительницы в том, что она была задержана и насильно доставлена в Московское отделение ФСБ. Суд отметил в этой связи, что в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ действия должностных лиц, которые занимаются оперативно-розыскной деятельностью, если данные лица действовали по поручению следователя или следственного органа, можно оспорить только в суде. В настоящем деле, согласно решению Мещанского районного суда г. Москвы, следователь Г. никогда не поручал ФСБ производить задержание второй заявительницы и доставлять ее в Московское управление ФСБ, следовательно, законность их действия не может рассматриваться по статье 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Суд отклонил жалобу на предполагаемое нарушение права на юридическую помощь во время допроса, установив, что вторая заявительница не обращалась за помощью к адвокату.

60. 1 августа 2011 года Московский городской суд, рассмотрев жалобу, оставил в силе решение от 1 июня 2011 года. Он заявил, в частности, что суд первой инстанции надлежащим образом прекратил производство по делу, установив, что сотрудники ФСБ вызвали вторую заявительницу путем вручения повестки, а затем по ее просьбе «подвезли на своем автомобиле» в Московское управление ФСБ.

2. Содержание второй заявительницы под стражей

61. 20 мая 2011 года, по ходатайству Мещанской межрайонной прокуратуры, Мещанский районный суд г. Москвы выдал санкцию на заключение второй заявительницы под стражу сроком на два месяца, то есть до 19 июля 2011 года. На слушании вторая заявительница утверждала, что продление срока ее содержания под стражей является незаконным и необоснованным, поскольку у нее были положительные

характеристики, она не привлекалась к уголовной ответственности в Российской Федерации, у нее имелось постоянное место жительства, где она была зарегистрирована с тремя несовершеннолетними детьми, а также потому, что, по ее мнению, ее нельзя было законно выдать в Таджикистан. Суд указал, что ее заключение под стражу было необходимо для того, чтобы обеспечить ее выдачу в Таджикистан, где ей было предъявлено обвинение в совершении уголовного преступления, предусмотренного статьей 307 Уголовного кодекса Таджикистана.

62. Вторая заявительница и ее адвокат каждый обжаловали решение Мещанского районного суда г. Москвы.

63. 8 июня 2011 года Московский городской суд рассмотрел жалобу адвоката второй заявительницы и отклонил ее, посчитав, что решение Мещанского районного суда г. Москвы являлось обоснованным и правильным. По-видимому, жалобу второй заявительницы Московский городской суд не рассматривал.

64. 13 июля 2011 года Мещанский районный суд г. Москвы, руководствуясь статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ, продлил срок содержания второй заявительницы под стражей до 19 ноября 2011 года. Суд, сославшись на факт объявления второй заявительницы в международный розыск и тот факт, что проверка в отношении ее выдачи еще не была завершена, установил, что имелись достаточные основания полагать, что она может попытаться «скрыться или воспрепятствовать рассмотрению уголовного дела и установлению истины по делу».

65. Вторая заявительница и ее адвокат каждый обжаловали решение Мещанского районного суда г. Москвы. 15 июля 2011 года адвокат второй заявительницы представил жалобу на четырех страницах. Она поступила в суд в тот же день. Адвокат утверждала, что в решении от 13 июля 2011 года суд не указал, на каком этапе находится процедура выдачи; что основания для продления срока содержания под стражей не были достаточно конкретными; что суд не придал должного внимания тому факту, что вторая заявительница является матерью троих несовершеннолетних детей, и что в целом данное решение было незаконным и необоснованным. Вторая заявительница также подала кассационную жалобу 15 июля 2011 года через администрацию учреждения, где она содержалась под стражей. По данным властей Российской Федерации, она была получена судом «незадолго» до начала слушаний по жалобе. По словам второй заявительницы, жалоба была получена судом 26 июля 2011 года. В своей жалобе объемом полторы страницы вторая заявительница указала, что заключение под стражу должно применяться в качестве меры пресечения лишь в исключительных случаях, и что она должна была заботиться о своих трех несовершеннолетних детях.

66. 1 августа 2011 года Московский городской суд, рассмотрев кассационную жалобу, оставил в силе решение от 13 июля 2011 года как законное и обоснованное. Суд рассмотрел жалобу, поданную адвокатом второй заявительницы, но не рассматривал жалобу, поданную самой второй заявительницей. Адвокат второй заявительницы присутствовала на слушании, но не обратила внимание суда на то, что вторая заявительница также подавала жалобу. Московский городской суд, в частности, согласился с мнением Мещанского районного суда г. Москвы, что продление срока содержания второй заявительницы под стражей в качестве меры пресечения было оправдано ввиду того, что она находилась в розыске и тем фактом, что в отношении ее выдачи проводилась проверка. Московский городской суд также отметил, что дети второй заявительницы были переданы на попечение социальных служб.

Е. Процедура выдачи в отношении второй заявительницы

67. 23 мая 2011 года Московское управление Федеральной миграционной службы информировало Мещанскую межрайонную прокуратуру о том, что вторая заявительница никогда не была зарегистрирована в Московской области по месту жительства и не заявляла ходатайств о предоставлении ей российского гражданства.

68. 24 мая 2011 года Московское управление Федеральной миграционной службы сообщило в Мещанскую межрайонную прокуратуру о том, что вторая заявительница находилась на миграционном учете как гражданка иностранного государства, проживающая в Москве с 16 апреля по 12 июля 2011 года, и что она не заявляла ходатайств о предоставлении ей российского гражданства.

69. Представляется, что Генеральная прокуратура РФ получила запрос о выдаче второй заявительницы от Генеральной прокуратуры Таджикистана 6 июля 2011 года.

70. 18 октября 2011 года адвокат второй заявительницы ходатайствовала перед Генеральной прокуратурой РФ об отказе в запросе таджикских властей о ее выдаче, утверждая, что, в случае выдачи, она рискует подвергнуться пыткам.

71. В письме от 16 ноября 2011 Генеральная прокуратура РФ заявила, что она отказала властям Таджикистана в удовлетворении просьбы о выдаче второй заявительницы вследствие истечения срока давности в отношении преступления, по которому ей было предъявлено обвинение.

72. 16 ноября 2011 года, согласно распоряжению Мещанской межрайонной прокуратуры от того же дня, вторая заявительница была освобождена.

Ж. Ходатайство первого заявителя о предоставлении временного убежища в России

73. 15 декабря 2011 года первый заявитель обратился в Московское управление Федеральной миграционной службы России с ходатайством о предоставлении ему временного убежища.

74. 15 марта 2012 года Московское управление Федеральной миграционной службы отклонило ходатайство первого заявителя. В решениях приводились ссылки на следующее: (i) Таджикистан является участником многочисленных международных договоров, касающихся защиты прав человека; (ii), он принял ряд законодательных мер в соответствии с данными документами; (iii) по решению Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 организация «Хизб ут-Тахрир» была признана террористической организацией и ее деятельность в России запрещена, (iv) в ходе судебного разбирательства ни первый заявитель, ни его представитель, хотя и имели на то возможность, не предоставили доказательств, подтверждающих их заявление о том, что первый заявитель подвергнется в Таджикистане бесчеловечному обращению; (v) первый заявитель признал, что он является членом «Хизб ут-Тахрир», (vi), проживая на территории Российской Федерации с 2004 года, первый заявитель никогда не ходатайствовал о предоставлении убежища или разрешения на временное проживание, но использовал поддельные документы для получения российского гражданства; (vii) таджикские власти заверили российских коллег, что первый заявитель не будет подвергаться преследованию по причине своих политических взглядов, расы, религии или этнического происхождения; он не будет подвергнут бесчеловечному обращению; ему будет предоставлена правовая помощь; он будет привлечен к ответственности лишь за преступления, в отношении которых будет удовлетворена просьба о выдаче; и он сможет покинуть Таджикистан после завершения разбирательства. Московское отделение Федеральной миграционной службы России, таким образом, пришло к выводу, что не имелось никаких причин из гуманных соображений, которые оправдывали бы предоставление временного убежища первому заявителю.

75. 24 апреля 2012 года первый заявитель обжаловал данный отказ. Он ссылаясь на повышенный риск жестокого обращения в случае выдачи в Таджикистан, поскольку он обвинялся в причастности к «Хизб ут-Тахрир». В этой связи он упоминал соответствующие международные отчеты и постановления Суда.

76. 18 мая 2012 года Федеральная миграционная служба РФ отменила решение Московского управления Федеральной миграционной службы от 15 марта 2012 года. Она заявила, что последняя провела должный анализ соответствующих вопросов и

пришла к разумным выводам. Однако в связи с тем, что после запроса первого заявителя Суд распорядился о применении мер в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда, чтобы предотвратить его выдачу в Таджикистан, необходимо было пересмотреть возможность предоставления ему временного убежища для установления его правового статуса на территории РФ и обеспечить дополнительные гарантии, что он не будет выдан в Таджикистан, пока Суд не вынесет окончательного решения по его делу.

77. 17 августа 2012 года Московское управление Федеральной миграционной службы предоставило заявителю временное убежище до 17 августа 2013 года.

3. Ходатайство второй заявительницы о предоставлении временного убежища в России

78. 24 мая 2011 года вторая заявительница обратилась в Московское отделение Федеральной миграционной службы России с ходатайством о предоставлении ей статуса беженца.

79. Решением от 29 июля 2011 года Московское управление Федеральной миграционной службы отказало второй заявительнице, указав, что она не соответствует критериям, установленным действующим законодательством.

80. Вторая заявительница обжаловала данное решение в Федеральную миграционную службу России. В решении от 29 ноября 2011 года данный орган отклонил ее жалобу и оставил в силе решение от 29 июля 2011 года.

81. 29 декабря 2011 года вторая заявительница обжаловала в суде решение от 29 ноября 2011 года.

82. 22 февраля 2012 года Басманный районный суд г. Москвы оставил в силе решение Федеральной миграционной службы.

83. 18 июня 2012 года Московский городской суд, рассмотрев апелляционную жалобу, оставил без изменений решение Басманного районного суда.

84. Тем временем, 21 ноября 2012 года вторая заявительница обратилась в Московское отделение Федеральной миграционной службы России с ходатайством о предоставлении ей временного убежища.

85. 17 февраля 2012 года Московское управление Федеральной миграционной службы отказало второй заявительнице в связи с отсутствием гуманных соображений, которые оправдывали бы предоставления ей убежища. В решении отмечалось, что вторая заявительница и ее представители не смогли подтвердить предполагаемый риск жестокого обращения в Таджикистане, и

заключалось, что единственная цель ходатайства состоит в том, чтобы легализовать свое проживание на территории Российской Федерации.

86. Вторая заявительница обжаловала данное решение в Федеральную миграционную службу России.

87. 21 августа 2012 года Федеральная миграционная служба России отклонила ее жалобу и оставила в силе решение от 17 февраля 2012 года. Федеральная миграционная служба России отметила, что, хотя заявители проживали на территории Российской Федерации с 2005 года, они заявили ходатайство о предоставлении им статуса беженцев лишь в 2011 году, после того, как были помещены под стражу. Кроме того, она отметила, что вторая заявительница заявила в письменной форме, заверенной нотариально, что она согласилась на то, чтобы ее брат взял ее детей в Таджикистан в целях предотвращения помещения их под опеку социальных служб в России или в Таджикистане, тем самым не давая таджикским властям оказывать на нее давление. Федеральная миграционная служба России отметила, что данное заявление являлось внутренне противоречивым: таким образом вторая заявительница добровольно организовала отправку своих детей в то самое государство, давления со стороны которого она якобы опасается, в то время как в России ее дети находились бы вне юрисдикции властей Таджикистана. Она посчитала, что это дополнительно доказывает тот факт, что утверждения второй заявительницы о риске жестокого обращения в Таджикистане были необоснованными, и согласилась с Московским управлением Федеральной миграционной службы о том, что единственной целью жалобы являлась попытка второй заявительницы узаконить свое проживание на территории Российской Федерации.

88. 22 сентября 2012 года вторая заявительница подала жалобу на решение от 21 августа 2012 года в Управление по вопросам гражданства Федеральной миграционной службы. Представляется, что рассмотрение жалобы еще продолжается.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

A. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

89. Пункт 15 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ определяет «момент фактического задержания» как момент, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления, в порядке, установленном данным кодексом.

90. Порядок задержания установлен Главой 12 («Задержание подозреваемого») УПК РФ. Статья 91 УПК предусматривает

основания задержания подозреваемого. Пункт 1 статьи 91 УПК РФ предусматривает, что дознаватель или следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований:

- (1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- (2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;
- (3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

91. Пункт 2 статьи 91 УПК РФ предусматривает, что подозреваемый также может быть задержан, если он пытался скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем или дознавателем направлено ходатайство в суд об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

92. Статья 92 УПК РФ предусматривает порядок задержания подозреваемого. После доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более трех часов должен быть составлен протокол задержания. В протоколе указываются дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого. Протокол задержания подписывается лицом, его составившим, и подозреваемым. О произведенном задержании орган дознания, дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде в течение двенадцати часов с момента задержания подозреваемого. Подозреваемый должен быть допрошен в соответствии с установленной процедурой и ему должна быть представлена помощь адвоката. До начала допроса подозреваемому по его просьбе обеспечивается свидание с защитником наедине и конфиденциально.

93. В соответствии со статьей 94 УПК РФ, если постановление судьи о применении к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу не поступит в течение сорока восьми часов с момента задержания, то подозреваемый немедленно освобождается.

94. Глава 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Меры пресечения») регламентирует применение ограничительных мер или мер пресечения, к которым относится, в частности, заключение под стражу. Суд может вынести постановление о применении следователем или прокурором меры пресечения в виде заключения под стражу, если предъявленное лицу обвинение влечет за собой наказание сроком не менее двух лет лишения свободы, если нельзя применить более мягкую меру пресечения (часть 1 и 3 статьи 108 УПК РФ). Срок содержания под стражей на период проведения следственных мероприятий не может превышать двух

месяцев (часть 1 статьи 109 УПК РФ). Судья может продлить данный период до шести месяцев (часть 2 статьи 109). Дальнейшее продление данного срока до двенадцати или, в чрезвычайных случаях, до восемнадцати месяцев может быть разрешено только, если лицо обвиняется в совершении тяжких или особо тяжких преступлений (часть 3 статьи 109 УПК РФ). Продление срока свыше восемнадцати месяцев не допускается, и заключенный подлежит немедленному освобождению (часть 4 статьи 109 УПК РФ).

95. Глава 54 («Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора») регулирует процедуру выдачи. При получении от иностранного государства запроса о выдаче лица, если при этом не представлено решение судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу, прокурор в целях обеспечения возможности выдачи лица решает вопрос о необходимости избрания ему меры пресечения в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом (часть 1 статьи 466 УПК РФ). Если к запросу о выдаче лица прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу, то прокурор вправе подвергнуть это лицо домашнему аресту или заключить его под стражу «без подтверждения указанного решения судом Российской Федерации» (часть 2 статьи 466 УПК РФ).

96. Статья 125 УПК РФ регламентирует судебный порядок рассмотрения жалоб. Постановления дознавателя или следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд, обладающий компетенцией по рассмотрению вопроса о законности и основаниях оспариваемых решений.

97. Статья 133 УПК РФ предусматривает право на возмещение вреда, причиненного гражданину в результате незаконного уголовного преследования. Возмещение включает возмещение имущественного вреда, «устранение последствий» морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Вред возмещается государством в полном объеме независимо от вины правоохранительных органов. Часть 2 наделяет правом на возмещение причиненного вреда любое лицо, уголовное преследование в отношении которого прекращено. Пункт 3 дополнительно предоставляет право на возмещение причиненного вреда любому лицу, незаконно подвергнутому мерам пресечения в ходе уголовного судопроизводства.

98. Часть 1 статьи 167 УПК РФ гласит, что в случае отказа лица, участвующего в следственном действии, подписать протокол

следственного действия, следователь вносит в протокол соответствующую запись, которая удостоверяется подписью следователя, а также подписью защитника, если таковой участвует в следственном действии. В соответствии с частью 2 статьи 167 УПК РФ лицу, отказавшемуся подписать протокол, должна быть предоставлена возможность дать объяснение причин отказа, которое заносится в данный протокол.

99. В соответствии со статьей 190 УПК РФ, которая регламентирует ведение протоколов допроса, допрашиваемое лицо должно удостоверить своей подписью правильность записи показаний (часть 8 статьи 190 УПК РФ). Отказ от подписания протокола допроса или невозможность его подписания лицами, участвовавшими в допросе, удостоверяется в порядке, установленном статьей 167 УПК РФ (часть 9 статьи 190 УПК РФ).

100. Статья 389, действовавшая до 1 января 2013 года, гласила, что суд кассационной инстанции повторно рассматривает уголовное дело, если кассационная жалоба осужденного или его защитника поступила тогда, когда уголовное дело в отношении этого осужденного уже рассмотрено по кассационной жалобе другого участника уголовного судопроизводства.

Б. Практика Конституционного Суда Российской Федерации

1. Определение Конституционного Суда № 101-О от 4 апреля 2006 года

101. 4 апреля 2006 года Конституционный Суд рассмотрел жалобу Н., который утверждал, что отсутствие ограничения срока содержания под стражей лица, ожидающего выдачи, несовместимо с конституционными гарантиями защиты от произвольного задержания. Конституционный суд объявил жалобу неприемлемой. По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, отсутствие специального регулирования вопросов содержания под стражей в части 1 статьи 466 не создавало пробела в законодательстве, противоречащего Конституции Российской Федерации. Пункт 1 статьи 8 Минской конвенции 1993 года закреплял, что при выполнении запроса о правовой помощи запрашиваемая сторона применяет внутригосударственное право, то есть исполняет процедуру, установленную Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Такая процедура регулировалась, в частности, частью 1 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и положениями главы 13 («Меры пресечения»), которые в силу своего общего характера и расположения в части I Кодекса («Общие положения») применялись ко всем стадиям и формам уголовного

производства, включая рассмотрение запросов о выдаче. Следовательно, статья 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не позволяла властям применять меру пресечения без соблюдения процедуры, установленной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, или с нарушением сроков, установленных Кодексом.

2. Определение Конституционного Суда № 158-О от 11 июля 2006 года по ходатайству Генерального прокурора о разъяснении

102. Генеральный прокурор Российской Федерации обратился в Конституционный Суд Российской Федерации за официальным разъяснением Определения № 101-О от 4 апреля 2006 года (см. выше) с целью, в частности, уточнения процедуры продления срока содержания лица под стражей с целью выдачи.

103. Конституционный Суд Российской Федерации отклонил запрос, установив, что он не имел полномочий по определению конкретных положений уголовного закона, регулирующих процедуру или сроки содержания лица под стражей с целью дальнейшей выдачи. Это является задачей судов общей юрисдикции.

3. Определение от 1 марта 2007 года № 333-О

104. Конституционный Суд Российской Федерации повторил свою установившуюся правовую позицию, что сфера действия конституционного права на свободу и личную неприкосновенность гарантируется иностранным гражданам и лицам без гражданства наравне с гражданами Российской Федерации. Иностранцы, пребывающие на территории Российской Федерации, без судебного решения не могут быть подвергнуты задержанию на срок свыше сорока восьми часов. Данное конституционное требование служит гарантией против чрезмерно продолжительного срока содержания под стражей, превышающего сорок восемь часов, а также гарантией от произвольного задержания, поскольку требует от суда изучения вопроса о том, было ли задержание законным и обоснованным.

105. Конституционный Суд постановил, что часть 1 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса РФ не предполагает — во взаимосвязи с положениями Минской конвенции [Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам] — возможность задержания лица на основании ходатайства иностранного государства на срок свыше сорока восьми часов без судебного решения российского суда. Меры пресечения в виде лишения свободы может применяться лишь в соответствии с

процедурой, установленной в УПК РФ и в соответствии со сроками, установленными в вышеуказанном Кодексе.

4. Определение № 383-О-О от 19 марта 2009 года

106. Данным Определением Конституционный суд отклонил как необоснованное ходатайство о пересмотре конституционности части 2 статьи 466 УПК, указав, что данное положение «не устанавливает сроки содержания под стражей и не определяет основания и порядок избрания меры пресечения, а лишь закрепляет правомочие прокурора на исполнение уже состоявшегося решения компетентного судебного органа иностранного государства о заключении под стражу лица, обвиняемого в совершении преступления. Таким образом, оспариваемая норма права не может считаться нарушающей конституционные права [истца]...»

5. Определение № 149-О-О от 17 января 2012 года

107. Конституционный Суд изучил «доставление» в рамках административного разбирательства. Он отметил, что доставление — это административно-правовая принудительная мера, состоящая в кратковременном ограничении свободы передвижения лица и перемещении его с места совершения административного правонарушения в уполномоченный орган.

108. Конституционный Суд отметил, что соответствующее законодательство предусматривает, что доставление должно быть осуществлено в возможно короткий срок. При этом законодатель не устанавливает конкретных сроков доставления, поскольку невозможно предусмотреть и учесть конкретные обстоятельства, влияющие на его продолжительность (территориальная удаленность, наличие и/или техническое состояние транспорта, пропускная способность автодорог, климатические условия, состояние здоровья доставляемого и пр.). Конституционный Суд постановил, что: применение этой меры не может быть произвольным; ограничения прав человека должны быть пропорциональны реальной необходимости в связи с обстоятельствами дела, и продолжительность применения данной меры должна быть разумной.

6. Определение № 1902-О от 18 октября 2012 года

109. Конституционный Суд отказал в удовлетворении жалобы на то, что часть 15 статьи 5, статья 91 и статья 92 Уголовно-процессуального кодекса РФ противоречат Конституции, поскольку не включают в общее время задержания время доставления подозреваемого в компетентный орган. Конституционный Суд установил, что статья 92 УПК РФ прямо обязывает указывать в

протоколе время задержания в соответствии с предписанием части 15 статьи 5 УПК РФ, что исключает бесконтрольное, вне установленных сроков, содержание задержанного правоприменительным органом.

В. Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации

1. Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 года

110. Решением от 14 февраля 2003 Верховный суд Российской Федерации удовлетворил ходатайство Генерального прокурора Российской Федерации, признав террористическими ряд международных и региональных организаций, включая «Хизб ут-Тахрир» (также известную как «Исламская Партия освобождения»), и запретил их деятельность на территории Российской Федерации. Он постановил, что деятельность «Хизб ут-Тахрир» направлена на устранение неисламских правительств и установление «исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания «Великого исламского халифата», первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и страны СНГ.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 10 февраля 2009 года

111. В Постановлении № 1, принятом 10 февраля 2009 года, Пленум Верховного Суда издал ряд инструкций для судов в отношении применения статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Пленум повторил, что любой участник уголовного судопроизводства или иное лицо, чьи права и свободы были затронуты действиями или бездействием органов следствия или органов прокуратуры в рамках уголовного судопроизводства могут ссылаться на статью 125 УПК РФ, чтобы оспорить отказ в возбуждении уголовного дела или решение о его прекращении. Пленум заявил, что в то время как основная часть решений, подлежащая обжалованию согласно статье 125 УПК РФ, также включает решения о возбуждении уголовного дела, отказ в доступе к услугам адвоката или отказ в признании потерпевшим, лицо не может ссылаться на статью 125 УПК РФ, чтобы оспорить решение суда о применении залога, домашнего ареста или заключения лица под стражу. Кроме того, он подчеркнул, что при вынесении постановления о признании процессуального действия (бездействия) или решения должностного лица незаконным или необоснованным, судья не вправе отменять либо обязывать его отменить решение, он может лишь указать, что обязывает данное должностное лицо устранить допущенное нарушение. Если состоявшееся судебное решение не исполняется соответствующими органами, заявитель вправе обратиться в суд с жалобой на их

бездействие, и суд может вынести частное определение, обращая внимание соответствующего органа на допущенные нарушения закона, требующие принятия соответствующих мер. Наконец, в постановлении указывалось, что решение прокурора о содержании лица под домашним арестом или под стражей с целью выдачи может быть обжаловано в суде согласно статье 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 года № 22

112. 29 октября 2009 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации вынес Постановление № 22, в котором говорилось, что согласно пункту 1 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса только суд может принять решение о содержании под стражей лица, в отношении которого проводится проверка перед выдачей, если органы власти страны, направившие запрос о выдаче, не предоставили судебного решения о помещении такого лица под стражу. Судебная санкция на помещение под стражу в такой ситуации должна осуществляться в соответствии со статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ и согласно ходатайству прокурора о помещении такого лица под стражу. При принятии решения о помещении лица под стражу суду необходимо проанализировать факт наличия действительных юридических оснований для применения меры пресечения. Если с запросом о выдаче представляется решение иностранного суда о помещении под стражу, прокурор имел право поместить лицо под стражу без санкции российского суда (часть 2 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса РФ) на срок, не превышающий двух месяцев; при этом решение прокурора можно было обжаловать в суде согласно статье 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ. При продлении срока пребывания под стражей с целью выдачи суд должен был руководствоваться статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ И ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ

A. Совет Европы

113. Рекомендация № R (98) 13 Комитета министров Совета Европы государствам-членам в отношении права лиц, которым отказано в предоставлении убежища, на эффективные средства защиты против решений о выдаче в контексте статьи 3 Европейской Конвенции по правам человека, принятой 18 сентября 1998 года, гласит следующее:

«Комитет министров...

Без ущерба для осуществления любого права лица, которому было отказано в предоставлении убежища, на обжалование отрицательного решения по их ходатайству о предоставлении убежища, в соответствии с рекомендациями, в частности, в соответствии с Рекомендацией Совета Европы № R (81) 16 Комитета министров,

Рекомендует правительствам государств-членов при применении своих процессуальных норм убедиться, что в их законодательство или практике его применения соблюдаются следующие гарантии:

1. Любому лицу, ходатайствующему о предоставлении ему убежища, чье ходатайство о предоставлении ему статуса беженца было отклонено, и которое должно подвергнуться процедуре выдачи в страну, относительно которой данное лицо подает обоснованную жалобу, что оно подвергнется пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, должны быть предоставлены эффективные средства правовой защиты в государственных органах.

2. При применении пункта 1 настоящей Рекомендации, средства правовой защиты в государственном органе будут считаться эффективными, если: ...

2.2. данный орган имеет полномочия как по принятию решений о наличии условий, предусмотренных статьей 3 Конвенции, так и по предоставлению соответствующих средств правовой защиты;...

2.4. исполнение распоряжения о выдаче приостанавливается до момента вынесения решения в соответствии с пунктом 2.2».

114. Комиссар Совета Европы по правам человека издал Рекомендацию (CommDH(2001)19) от 19 сентября 2001 года о правах иностранцев, желающих въехать в государство-участника Совета Европы, и исполнении решений о высылке, которая в соответствующей части предусматривает следующее:

«11. Важно, чтобы право на судебное средство правовой защиты в значении статьи 13 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод не только гарантировалось законом, но также обеспечивалось бы на практике, если лицо утверждает, что компетентные органы нарушают или могут нарушить права, гарантированные Европейской Конвенцией. Право на эффективное средство правовой защиты должно быть гарантировано каждому желающему оспорить постановление о выдворении или высылке. Оно должно иметь приостанавливающее действие по отношению к постановлению о высылке, по крайней мере, в тех случаях, когда предполагается нарушение статей 2 и 3 Европейской Конвенции».

115. Что касается других применимых документов, см. постановление Европейского Суда по делу *Габерамадьен [Габремедхин] против Франции (Gebremedhin [Gaberamadhién] v. France)*, жалоба № 25389/05, пункты 36-38, ECHR 2007-V.

Б. Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция 1993 года)

116. Процедуру выдачи регулируют следующие положения Минской конвенции:

Статья 8. Порядок исполнения

«1. При исполнении поручения об оказании правовой помощи запрашиваемое учреждение применяет законодательство своей страны. По просьбе запрашивающего учреждения оно может применить и процессуальные нормы запрашивающей Договаривающейся Стороны, если только они не противоречат законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны».

Статья 60. Розыск и взятие под стражу для выдачи

«По получении требования запрашиваемая Договаривающаяся Сторона немедленно принимает меры по розыску и взятию под стражу лица, выдача которого требуется, за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена».

Статья 61. Взятие под стражу или задержание до получения требования о выдаче

«1. Лицо, выдача которого требуется, по ходатайству может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. В ходатайстве должны содержаться ссылка на постановление о взятии под стражу или на приговор, вступивший в законную силу, и указание на то, что требование о выдаче будет представлено дополнительно. Ходатайство о взятии под стражу до получения требования о выдаче может быть передано по почте, телеграфу, телексу или телефаксу.

2. Лицо может быть задержано и без ходатайства, предусмотренного в пункте 1 настоящей статьи, если имеются предусмотренные законодательством основания подозревать, что оно совершило на территории другой Договаривающейся Стороны преступление, влекущее выдачу.

3. О взятии под стражу или задержании до получения требования о выдаче необходимо немедленно уведомить другую Договаривающуюся Сторону».

Статья 62. Освобождение лица, задержанного или взятого под стражу

«1. Лицо, взятое под стражу согласно пункту 1 статьи 61 и статьи 61-1, должно быть освобождено, по сообщению Договаривающейся Стороны о том, что необходимо освободить данное лицо, или если Договаривающаяся Сторона, запрашивающая о выдаче, не направит запрос со всеми необходимыми сопроводительными документами, указанными в статье 58, в течение сорока дней со дня заключения под стражу.

2. Лицо, задержанное согласно пункту 2 статьи 61, должно быть освобождено, если требование о его заключении под стражу согласно пункту 1 статьи 61 не поступит в течение срока, предусмотренного законодательством для задержания».

В. Отчеты в отношении Таджикистана

117. Заключительные замечания по второму периодическому докладу по Таджикистану, изданные Комитетом ООН против пыток 20 ноября 2012 года (CAT/C/TJK/2), указали на следующие области обеспокоенности по поводу ситуации с правами человека в данной стране:

«Приветствуя включение в Уголовный кодекс статьи 143-1 с целью привести определение пытки в полное соответствие со статьей 1 Конвенции, Комитет в то же время выражает озабоченность по поводу того, что тюремное заключение сроком на пять лет или меньше для лиц, совершивших это правонарушение впервые, является несоразмерным тяжести этого преступления[.]

...
Комитет глубоко обеспокоен тем, что Законом об амнистии 2011 года органы прокуратуры наделены широкой дискрецией в вопросах замены, сокращения срока или приостановления исполнения наказания применительно к лицам, осужденным за применение пыток, как в случае трех полицейских, осужденных за причастность к смерти в заключении Исмоила Бачажонова[.]

...
Комитет принимает к сведению процессуальные гарантии, предусмотренные в Уголовно-процессуальном кодексе 2010 года (УПК), включая регистрацию задержанных в течение трех часов с момента их доставки в полицейский участок (статья 94.1), право иметь адвоката (статьи 22.1 и 49.2) и право находиться под стражей не более 72 часов с момента ареста (статья 92.3). Однако Комитет выражает беспокойство в связи с тем, что вследствие отсутствия ясности относительно того, с какого момента согласно этому закону лицо считается взятым под стражу (статья 91.1), задержанные не пользуются основными правовыми гарантиями в течение периода между арестом и официальным признанием задержания. Имели место сообщения о том, что на практике и в большинстве случаев арестованным не предоставляется право на своевременный доступ к услугам адвоката и к независимому врачу; на уведомление членов семьи и другие правовые гарантии, имеющие целью обеспечить защиту от пыток. В частности, Комитет обеспокоен многочисленными утверждениями, касающимися неспособности или нежелания должностных лиц полиции вести строгий учет всех периодов лишения свободы; регистрировать подозреваемых в течение трех часов с момента доставки в полицейский участок; соблюдать срок в 72 часа для освобождения либо перевода подозреваемых из полицейского участка в следственный изолятор; и уведомлять членов семьи о переводе взятых под стражу из одного места лишения свободы в другое. Кроме того, он обеспокоен тем, что статья 111-1 УПК позволяет судьям санкционировать досудебное содержание под стражей только исходя из тяжести предполагаемого преступления, и тем, что содержание под стражей может продлеваться и составлять 18 месяцев[.]

...
Комитет серьезно обеспокоен многочисленными и постоянными утверждениями, подтверждаемыми из разных источников, об обычном применении пыток и жестоком обращении с подозреваемыми, особенно для принуждения их к даче признательных показаний, которые будут использованы

в ходе уголовного преследования, в основном в первые часы допроса в полицейском участке, а также в изоляторах временного содержания и в следственных изоляторах, находящихся в ведении Государственного комитета национальной безопасности и Управления по борьбе с организованной преступностью[.]

...

Комитет обеспокоен сообщениями, полученными от государства-участника и неправительственных организаций, о случаях смерти во время содержания под стражей, в том числе о смерти Исмонбоя Бобоева, Усмана Бобоева, Хуршеда Бобокалонова, Аловуддина Давлатова, Дилшодбека Муродова, Хамзы Икромзода, Хамзали Икромзода, Сафарали Сангова, Бахромиддина Шодиева, и по поводу отсутствия эффективного и беспристрастного расследования этих случаев[.]

...

Комитет глубоко обеспокоен тем, что по заявлениям о пытках и жестоком обращении не проводится оперативного, беспристрастного и эффективного расследования и уголовного преследования, что тем самым создает обстановку безнаказанности. Комитет также обеспокоен тем, что согласно статье 28(1) УПК суд, судья, прокурор или дознаватель могут прекратить уголовное преследование и освободить лицо от уголовной ответственности. Такие решения могут приниматься в случае раскаяния, примирения с жертвой, изменения обстоятельств или истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности[.]

...

Приветствуя включение в Уголовно-процессуальный кодекс статьи 88(3) в марте 2008 года, согласно которой доказательства, полученные «путем применения силы, давления, причинения страданий, бесчеловечного обращения или другими незаконными способами», не могут использоваться в качестве доказательств в уголовном процессе, а также постановление Верховного суда от июня 2012 года, разъясняющее концепцию недопустимости доказательств, полученных незаконными способами, Комитет в то же время выражает озабоченность по поводу отсутствия эффективных механизмов обеспечения и соблюдения этого принципа на практике. Он также обеспокоен сообщениями о том, что судьи нередко не принимают во внимание утверждения обвиняемых о применении пыток, и тем, что прокуроры не начинают расследования, если не поступило официальной жалобы[.]

...

Приветствуя предпринимаемые в настоящее время государством-участником усилия по улучшению условий содержания под стражей в тюрьмах и следственных изоляторах, Комитет вместе с тем выражает беспокойство по поводу:

(а) сообщений об отсутствии горячего водоснабжения; неадекватных санитарных условиях; плохой вентиляции; отсутствия возможности высушить одежду, что приводит к респираторным инфекциям и заболеваниям; отсутствия предметов личной гигиены; и плохого питания и неадекватного медицинского обслуживания;

(б) чрезмерно строгого режима для заключенных, отбывающих пожизненное заключение, которые, согласно сообщениям, содержатся в

условиях практической изоляции на протяжении 23 часов в сутки в небольших душных камерах; не имеют доступа к адвокатам; могут получать разрешение на свидание с семьями только один раз в год; и лишены возможности участвовать в различной деятельности в тюрьме;

(в) того, что по-прежнему не проводится систематического и независимого обследования условий в местах содержания под стражей национальными или международными наблюдательными органами, включая Международный комитет Красного Креста (МККК). Отмечая, что Омбудсмен вправе посещать места содержания под стражей, Комитет в то же время выражает озабоченность в связи с тем, что результаты посещения не предаются огласке;

(г) отсутствия механизма подачи жалоб заключенными. Несмотря на предоставленную государством-участником информацию о том, что жалобы относительно применения пыток или жестокого обращения могут подаваться в запечатанных конвертах, такие жалобы, согласно сообщениям, не доходят до соответствующих властей, а заключенные зачастую не имеют ручек и бумаги;

(д) того факта, что данные о количестве, местонахождении, вместимости пенитенциарных учреждений и численности заключенных в Таджикистане считаются «государственной тайной».

...

Комитет с озабоченностью отмечает сообщения о том, что жертвы и свидетели пыток и жестокого обращения не подают жалобы в органы власти, опасаясь мести, и ввиду отсутствия надлежащих мер, принимаемых по жалобам. Кроме того, отмечая исключение из Уголовного кодекса в июле 2012 года статьи о клевете и оскорблении, Комитет в то же время по-прежнему обеспокоен сообщениями о травле и запугивании журналистов и правозащитников, сообщающих о пытках и жестоком обращении. В частности, Комитет обеспокоен полученной информацией о том, что предполагаемые жертвы пыток и их семьи, журналисты, адвокаты, медицинские эксперты и правозащитники, которые выразили свое беспокойство Специальному докладчику по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания во время его посещения Таджикистана в мае 2012 года, впоследствии подвергались травле и запугиванию со стороны властей. Наряду с этим, принимая к сведению информацию, предоставленную делегацией, Комитет, тем не менее, испытывает беспокойство по поводу недавнего закрытия Ассоциации молодых юристов Таджикистана («Ампаро»), члена Коалиции против пыток, общавшейся со Специальным докладчиком во время его посещения страны, по представлению Министерства юстиции о роспуске этой организации по административным основаниям и по решению на этот счет городского суда Худжанда от 24 октября 2012 года[.]

...

Комитет обеспокоен тем, что в Уголовно-процессуальном кодексе не содержится никаких положений об абсолютном запрете экстрадиции или депортации в случаях, когда высылаемое лицо может подвергнуться пыткам, и что в законодательстве не предусмотрено четких процедур относительно оспаривания законности экстрадиции и депортации в суде. Он также испытывает беспокойство по поводу сообщений о просьбах государства-участника об экстрадиции лиц, предположительно являющихся членами запрещенных исламистских групп, которые по возвращении в Таджикистан

содержатся, согласно сообщениям, под стражей в режиме строгой изоляции и в одиночных камерах и подвергаются пыткам и/или жестокому обращению со стороны сотрудников правоохранительных органов. Он также обеспокоен сообщениями о том, что лица, которые по возвращении в Таджикистан могли столкнуться с угрозой подвергнуться пыткам и которые обратились в Европейский суд по правам человека на предмет принятия временных мер, были похищены силами безопасности Таджикистана в соседней стране и силой возвращены в Таджикистан, а затем подверглись пыткам и/или жестокому обращению. Кроме того, Комитет обеспокоен сообщениями о том, что бывший член Объединенной таджикской оппозиции Абдулвоси Латипов был предположительно похищен в Российской Федерации и доставлен в Таджикистан в октябре 2012 года и содержится под стражей в режиме строгой изоляции[.]

Комитет испытывает беспокойство в связи с тем, что в национальном законодательстве нет ясной нормы, предусматривающей право жертв пыток на возмещение и подкрепляемое правовой санкцией право на справедливую и адекватную компенсацию, включая средства для возможно более полной реабилитации, как это предусмотрено статьей 14 Конвенции. Комитет также выражает сожаление по поводу непредоставления государством-участником информации о размере компенсаций, присужденных судами жертвам нарушений Конвенции, включая лиц, которые подверглись пыткам или жестокому обращению в период 1995–1999 годов, и 35 жертв торговли людьми, которые были возвращены в Таджикистан в 2007 году из других стран. Комитет также отмечает отсутствие информации о предоставляемых жертвам услугах по лечению и социальной реабилитации, включая медицинскую и психосоциальную реабилитацию»[.]

118. Глава по Таджикистану в докладе, опубликованном во всемирном докладе правозащитной организации «Хьюман Райтс Вотч» в январе 2012 года, в применимой части, гласит следующее:

«Ситуация с правами человека в Таджикистане остается неблагоприятной. Правительство продолжало задействовать репрессивный закон о религии и ввело дополнительные законодательные ограничения на выражение религиозных убеждений и религиозное обучение. Власти по-прежнему ограничивали свободы СМИ, а журналисты, в том числе корреспондент ВВС Урунбой Усмонов, подвергались преследованиям в связи с профессиональной деятельностью. Серьезной проблемой в таджикском обществе остается семейное насилие в отношении женщин. Судебная система не обладает независимостью и неэффективна.

Уголовное судопроизводство и пытки

Пытки остаются устойчивой проблемой в пенитенциарной системе Таджикистана и применяются для принуждения к признанию обвиняемых, которым в период начального задержания нередко отказывают в доступе к родственникам и к адвокату. Несмотря на августовские дискуссии с Международным комитетом Красного Креста, власти так и не предоставили ему доступ в места содержания под стражей. За редким исключением, в таком доступе отказывается и правозащитным группам.

На фоне почти общей безнаказанности пыток власти предпринимали отдельные незначительные шаги по привлечению виновных к ответственности. В сентябре было вынесено беспрецедентное судебное решение, в соответствии с которым двое сотрудников правоохранительных органов были осуждены на восемь лет лишения свободы (по амнистии срок наказания был сокращен до шести лет) по делу об «умышленном причинении вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего», и «превышении полномочий», после того как в январе в милиции в Душанбе умер 31-летний Исмоил Бачаджонов. Третий сотрудник получил три года за «халатность», но был освобожден по амнистии.

НПО и местные СМИ также сообщали о смерти 37-летнего Сафарали Сангова, который был задержан 1 марта по делу о наркотиках и спустя несколько дней умер в больнице, и 28-летнего Бахромиддина Шодиева, который был задержан 14 октября и умер в больнице 30 октября. По официальной милиции, оба пытались в милиции покончить с собой, однако родственники настаивают на том, что в обоих случаях причиной смерти стали травмы, полученные в результате побоев в милиции. В начале ноября официальный представитель МВД заявил, что будет проведено «тщательное расследование» и что трое сотрудников уже уволены. После смерти Сангова двум сотрудникам было предъявлено обвинение в «халатности». Вскоре после начала суда в сентябре дело было направлено на дополнительное расследование.

В июле Ильхом Исманов и еще 52 человека предстали перед судом в Худжанде по делу об участии в Исламском движении Узбекистана. «Международная амнистия» сообщила, что на слушании о заключении под стражу 12 ноября 2010 г. судья проигнорировал заявление Исманова о пытках, в том числе электрошоком и кипятком, а также что и другие обвиняемые впоследствии делали аналогичные заявления о пытках и незаконном обращении в предварительном заключении.

Свобода вероисповедания

Власти Таджикистана еще больше ужесточили ограничения на свободу религии, в соответствии с новым законодательством правительство теперь обладает широкими полномочиями в области контроля за религиозным обучением и отправлением религиозных обрядов. Как отмечала в июне «Форум 18», власти продолжают «попытку подавления незарегистрированного мусульманского обучения по всей стране», а также «привлекли к административной ответственности по меньшей мере пятнадцать преподавателей ислама в трех различных регионах». Имели место также случаи закрытия незарегистрированных мечетей.

2 августа президент Рахмон подписал крайне неоднозначный закон «Об ответственности родителей за воспитание и обучение детей», в соответствии с которым родители обязаны не допускать участия несовершеннолетних в религиозной деятельности, за исключением случаев, когда речь идет об официальном получении религиозного образования. Принятие закона вызвало критику со стороны как правозащитных и религиозных организаций, так и международных институтов. В июне были приняты поправки в и без того ограничительный закон о религии от 2009 года, в соответствии с которыми желающие получить религиозное образование за рубежом должны предварительно получить на это официальное разрешение.

Под предлогом борьбы с угрозой экстремизма правительство Таджикистана сохраняет запрет на деятельность в стране ряда ненасильственных организаций

мусульманских меньшинств. Равным образом запрещены и христианские меньшинства, такие как Свидетели Иеговы. Местные СМИ по-прежнему сообщали об уголовном преследовании предполагаемых членов «Хизб-ут-Тахрир» и «Джамаат Таблиг».

119. Первый заявитель сослался на доклад организации «Международная амнистия», названный «Разрушенные жизни»: пытки и другие виды жестокого обращения в Таджикистане», изданный в 2012 году, в котором в части, применимой к настоящему делу, говорится:

«...»

«Международная амнистия» выражает особое беспокойство в отношении ряда дел, имевших место в последние годы, где лица, выданные или принудительно возвращенные властями других стран в Таджикистан, подверглись пыткам или жестокому обращению со стороны сотрудников таджикских правоохранительных органов...

«Международная амнистия» выражает обеспокоенность в отношении ряда недавних дел, по которым таджикские власти сделали запросы о выдаче на основании недостоверной информации касательно людей, предположительно являющихся членами запрещенных исламских организаций, которые впоследствии по возвращению в страну якобы подверглись пыткам. Многие из этих запросов о выдаче были направлены в отношении людей, находящихся в России.

...»

120. Первый заявитель также сослался на доклад Государственного департамента США по Таджикистану за 2011 год, в котором в соответствующей части говорится:

«в. Пытки и прочее жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание

Конституция запрещает применение пыток, но нет конкретных определений пытки в законе или положениях об уголовной ответственности за применение пытки. Статья в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) устанавливает, что доказательства, полученные под пытками, считаются неприемлемыми. Некоторые службы безопасности, как сообщается, продолжают практиковать избиения или другие формы принуждения для получения признательных показаний во время допросов. Генеральный прокурор Шерхон Салимзода заявил на пресс-конференции, что только 13 жалоб из 48 в 2010 году имели доказательства пыток. Чиновники не предоставили достаточного доступа к информации, чтобы организации по правам человека могли провести расследование заявлений о применении пыток.

Урунбой Усманов, журналист Би-Би-Си, арестованный и заключенный под стражу 13 июня, заявил в судебном заседании 18 августа о том, что подвергался пыткам во время содержания под стражей. Судья отказался признать претензии Усманова о применении пыток в ходе судебного разбирательства. Официальное лицо Би-Би-Си во время визита в страну сообщил, что обращение с Усмановым было намного хуже, чем он утверждал в суде, и включало избиения, применение электрического тока и прижигания сигаретами. По словам официального лица

Би-Би-Си, Усмонов представил неполные показания, потому что боялся расправы с ним и его семьей».

121. Первый заявитель также сослался на доклад о завершении миссии, подготовленный Специальным докладчиком ООН по вопросам пыток Хуаном Э. Мендесом, в котором тот изложил свои предварительные выводы после визита в Республику Таджикистан в период с 10 по 18 мая 2012 года. Специальный докладчик ООН по вопросам пыток заявил:

«...»

В данных предварительных выводах позвольте мне сказать, что давление на задержанных, в основном как средство получения признаний, практикуется в Таджикистане в различных формах, включая угрозы, побои (не только руками и ногами, но также и твердыми предметами), а иногда с применением электрического тока. Я не могу сказать, является ли эта практика менее распространенной или менее систематической в последнее время. Однако, я убежден, что это происходит достаточно часто и в самых различных ситуациях, и что потребуются очень значительные усилия для устранения этой ситуации или значительного ее уменьшения.

...»

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

122. Первый заявитель жаловался, что в случае его выдачи в Таджикистан возникнет реальная опасность того, что он подвергнется пыткам и жестокому обращению в нарушение статьи 3 Конвенции, которая гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

123. Первый заявитель также жаловался, что у него не было эффективных средств правовой защиты, как того требует статья 13 Конвенции, в отношении его жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции, поскольку российские власти не смогли должным образом изучить его доводы о том, что он может подвергнуться жестокому обращению в случае выдачи. В статье 13 говорится следующее:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Доводы сторон

1. *Власти*

124. Власти Российской Федерации оспорили доводы первого заявителя. Они отметили, что, в первую очередь, запрос о выдаче от 29 декабря 2010 года сопровождался гарантиями того, что в Таджикистане первый заявитель не будет подвергаться бесчеловечному обращению или наказанию, либо преследованию по политическим или религиозным мотивам, и что он будет преследоваться лишь за те правонарушения, в отношении которых была удовлетворена просьба о выдаче. Российские суды допрашивали первого заявителя в судебных заседаниях и изучали соответствующие материалы; адвокату первого заявителя также была предоставлена возможность изложить свою позицию по делу. Кроме того, первый заявитель в течение длительного периода времени проживал в России нелегально. Он никогда не обращался за получением вида на жительство или разрешением на работу, не занимался трудовой деятельностью, не был зарегистрирован в качестве налогоплательщика и подал ходатайство о предоставлении ему временного убежища лишь 15 декабря 2011 года. По данным властей Российской Федерации, при принятии решения о выдаче заявителя в Таджикистан все его доводы в отношении риска жестокого обращения были должным образом рассмотрены российскими органами и судами и признаны необоснованными. Таким образом, его выдача не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

125. Власти Российской Федерации также отметили, что первый заявитель, в соответствии со статьей 463 Уголовно-процессуального кодекса РФ, воспользовался возможностью обратиться в суд с жалобой на решение прокуратуры о его выдаче. В рамках этого положения суд должен рассмотреть жалобу в течение одного месяца, и затем либо объявить решение о выдаче незаконным и отменить его, либо отклонить жалобу. В последнем случае на это решение могла быть подана кассационная жалоба. Тот факт, что жалоба первого заявителя была в конце концов отклонена, не означает, что данное средство правовой защиты было неэффективным, поскольку требование эффективности не означает, что исход разбирательства должен быть в пользу заявителя (со ссылкой на постановление Большой Палаты Европейского Суда от 12 апреля 1996 года по делу *Кайялайнен против Финляндии* (*Kaijalainen v. Finland*), жалоба № 24671/94). Власти Российской Федерации также отметили, что эффективность средства правовой защиты еще более подтверждается тем фактом, что по делам *Солиев против России* (*Soliev v. Russia*), жалоба № 62400/10 пункт 27, от 5 июня 2012 года; *Ходжамбердиев против России* (*Khodzhamberdiyev v. Russia*), жалоба № 64809/10, пункт 19, от 5 июня

2012 года; *Абидов и против России (Abidov v. Russia)*, жалоба № 52805/10, пункты 26-27, от 12 июня 2012 года, российский суд аннулировал распоряжения о выдаче, вынесенные прокуратурой. Следовательно, первый заявитель имел в своем распоряжении эффективные средства внутригосударственной правовой защиты в связи с вышеуказанными жалобами по статье 3, как того требует статья 13 Конвенции.

2. Первый заявитель

126. Первый заявитель настаивал на своей жалобе. Он настаивал на том, что в случае выдачи в Таджикистан, он подвергнется риску пыток. Он ссылаясь на доклад по Таджикистану, опубликованный организацией «Международная амнистия» в 2012 году (см. пункт 119 выше), доклад Государственного департамента Соединенных Штатов, изданный в 2011 году (см. пункт 120 выше) и доклад о завершении миссии, подготовленный Специальным докладчиком ООН по вопросам пыток Хуаном Э. Мендесом (см. пункт 121 выше). Первый заявитель также повторил, что он уже подвергался пыткам в Таджикистане в 2003 году, и отметил, что Суд на практике с осторожностью полагается на дипломатические заверения властей Таджикистана.

127. Заявитель также утверждал, что российские власти не изучили должным образом его доводы в отношении риска жестокого обращения, которому он подвергнется в случае выдачи в Таджикистан. Он отметил, что в решение прокуратуры о выдаче данный вопрос не рассматривался, и заявил, что, по его мнению, анализ, проведенный судами и Федеральной миграционной службой России, был поверхностным и недостаточным.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость

128. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также она не является неприемлемой на каком-либо ином основании. Следовательно, она является приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Статья 3 Конвенции

(i) Общие принципы

129. Суд напоминает, прежде всего, что Договаривающиеся государства имеют право с точки зрения международного законодательства и с учетом их договорных обязательств, включая Конвенцию, контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев (см. постановление Европейского Суда от 28 мая 1985 года по делу *Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства (Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom)*, пункт 67, Series A № 94), а также напоминает, что право на получение политического убежища не является явно защищенным Конвенцией или Протоколами к ней (см. постановление Европейского Суда по делу *Салах Ших против Нидерландов (Salah Sheekh v. the Netherlands)*, жалоба № 1948/04, пункт 135, ECHR 2007-I (выдержки)). Тем не менее, высылка государством-участником может поднять вопрос по статье 3 Конвенции, и, следовательно, повлечь за собой ответственность государства в соответствии с Конвенцией, если имеются веские основания полагать, что соответствующее лицо в случае высылки столкнется с реальным риском подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

130. В таком случае, статья 3 Конвенции подразумевает обязательство не высылать данное лицо в эту страну (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Саади против Италии (Saadi v. Italy)*, жалоба № 37201/06, пункт 125, ECHR 2008). Суд ранее заявлял, что те же принципы применимы к разбирательству о выдаче (см. постановление Европейского Суда от 7 июля 1989 года по делу *Соеринг против Соединенного Королевства (Soering v. the United Kingdom)*, пункт 91, Series A № 161). Тем не менее, не возникает никакого вопроса о рассмотрении или установлении ответственности принимающей страны, будь то в рамках общего международного права, в соответствии с Конвенцией или иным образом (там же).

131. Оценка наличия серьезных оснований полагать, что заявитель столкнется с реальным риском подвергнуться обращению в нарушение статьи 3 Конвенции неизбежно требует, чтобы Суд оценил условия в принимающей стране с точки зрения стандартов, закрепленных в положениях Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Маматкулов и Аскарлов против Турции (Mamatkulov and Askarov v. Turkey)*, жалобы № 46827/99 и 46951/99, пункт 67, ECHR 2005-I). Эти стандарты подразумевают, что жестокое обращение, с которым, как утверждает заявитель, он столкнется в случае возвращения, должно достигнуть минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции. Оценка этого является относительной, и зависит от всех обстоятельств дела (см. постановление Европейского Суда по делу *Хилал против*

Соединенного Королевства (Hilal v. the United Kingdom), жалоба № 45276/99, пункт 60, ECHR 2001-II).

132. При определении того, было ли продемонстрировано, что заявителю в случае выдачи угрожает реальная опасность пострадать от обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, Суд рассмотрит данный вопрос в свете всех представленных ему материалов, либо, в случае необходимости, материалов, полученных им по собственной инициативе (см. вышеуказанное постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Саади против Италии*, пункт 128). Поскольку характер ответственности Договаривающихся Государств в соответствии со статьей 3 Конвенции в делах такого рода заключается в действии, подвергающем лицо риску жестокого обращения, существование такого риска должно оцениваться, в первую очередь, с учетом тех фактов, которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся государству на момент выдачи (см. постановление Европейского Суда от 30 октября 1991 года по делу *Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства (Vilvarajah and Others v. the United Kingdom)*, пункт 107, Series A № 215).

133. В принципе, задачей заявителя является представление доказательств, способных подтвердить, что имеются существенные основания полагать, что при осуществлении обжалуемой меры ему угрожает реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 26 июля 2005 года по делу *Н. против Финляндии (N. v. Finland)*, жалоба № 38885/02, пункт 167). Если таких доказательства предоставлены, задача властей — рассеять любые сомнения на этот счет (см. постановление Европейского Суда от 19 июня 2008 года по делу *Рябикин против России (Ryabikin v. Russia)*, жалоба № 8320/04, пункт 112).

134. Что касается общей ситуации в конкретной стране, Суд постановил по ряду дел, что он может придать определенное значение информации, содержащейся в последних докладах независимых международных организаций и ассоциаций по правам человека, таких как «Международная Амнистия», либо в докладах, полученных из правительственных источников, включая Государственный департамент США (см. вышеуказанное постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Саади против Италии*, пункт 131, а также содержащиеся в нем ссылки). В то же время, одна лишь возможность жестокого обращения из-за нерешенной ситуации в принимающей стране сама по себе не приводит к нарушению статьи 3 Конвенции (там же). В тех случаях, когда в источниках, доступных Суду, описывается общая ситуация, отдельные утверждения заявителя в конкретном случае требуют подкрепления другими доказательствами

(см. вышеуказанное постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Маматкулов и Аскарлов против Турции*, пункт 73).

135. Относительно своего собственного контроля, Суд повторяет, что, с учетом субсидиарного характера своей роли, он должен быть осторожен, принимая на себя роль суда первой инстанции, если это не неизбежно по причине обстоятельств дела. Суд утверждал в различных контекстах, что в тех случаях, когда имело место разбирательство на национальном уровне, как в настоящем деле, задачей Суда не является замещение оценки, сделанной национальными судами, собственной оценкой фактов, и, как правило, именно национальные суды должны оценить представленные им доказательства (см., среди других прецедентов, постановление Большой Палаты Европейского Суда от 24 марта 2011 года по делу *Джулиани и Гаджио против Италии* (*Giuliani and Gaggio v. Italy*), жалоба № 23458/02, пункты 179-80). Хотя Суд и не связан выводами национальных судов, в обычных условиях ему необходимы убедительные доводы для того, чтобы отойти от фактов, установленных этими судами (там же).

136. В то же время, как уже отмечалось, в соответствии со статьей 19 Конвенции, обязанностью Суда является обеспечение соблюдения обязательств, принятых Договаривающимися Сторонами Конвенции. Со ссылкой на выдачу или высылку, Суд напоминает, что в тех случаях, когда заявитель предоставляет обоснованные доводы, которые ставят под сомнение достоверность данных, на которые ссылается Государство-ответчик, Суд должен убедиться, что оценка, проведенная органами Договаривающегося Государства, является адекватной и в достаточной мере подтверждается национальными материалами и материалами из других надежных источников (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Салах Ших против Нидерландов*, пункт 136).

137. При оценке таких материалов, необходимо уделить внимание их источникам, в частности их независимости, достоверности и объективности. В отношении докладов, соответствующими обстоятельствами являются авторитет и репутация автора, серьезность исследований, с помощью которых были составлены данные доклады, согласованность выводов и их подтверждение материалами из других источников (см. вышеуказанное постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Саади против Италии*, пункт 143). Необходимо учитывать присутствие автора в соответствующей стране и его возможности по предоставлению отчетных данных. В связи с этим, Суд отмечает, что государства (будь то государство-ответчик по каждому конкретному делу или любое другое Договаривающейся или не являющегося таковым государство), через свои дипломатические представительства и с помощью их возможностей по сбору информации, часто будет в состоянии предоставить материал, который

может иметь непосредственное отношение к оценке рассматриваемого дела Судом. Он считает, что внимание также должно быть уделено, в первую очередь (*a fortiori*), учреждениям Организации Объединенных Наций, особенно, с учетом прямого их доступа к властям в стране назначения и их способности проводить инспекции на месте и оценку таким образом, каким сами государства и неправительственные организации произвести их не в состоянии (см. постановление Европейского Суда от 17 июля 2008 года по делу *NA. против Соединенного Королевства (NA. v. the United Kingdom)*, жалоба № 25904/07, пункт 121).

138. Хотя Суд признает тот факт, что многие доклады по самой своей природе представляют собой обобщенную оценку, в обязательном порядке повышенное внимание должно уделяться тем докладам, которые касаются ситуации с правами человека в стране назначения и непосредственно оснований для предполагаемого реального риска жестокого обращения по делу, рассматриваемому Судом. В конечном счете, Суд выносит свою собственную оценку в отношении ситуации с правами человека в стране назначения лишь для определения того, будет ли иметь место нарушение статьи 3 Конвенции в том случае, если заявитель по делу, рассматриваемому Судом, будет возвращен в эту страну. Таким образом, значение, которое должно придаваться независимой оценке, неизбежно должно зависеть от того, насколько такая оценка сходна с терминами, аналогичными статье 3 Конвенции (там же, пункт 122).

(ii) Применение вышеуказанных принципов к данному делу

(a). Внутригосударственные разбирательства

139. Суд должен в первую очередь оценить, был ли на жалобу первого заявителя получен надлежащий ответ на национальном уровне. Принимая во внимание материалы, находящиеся в его распоряжении, Суд отмечает, что заявитель в рамках разбирательств о выдаче и предоставлении убежища жаловался на риск жестокого обращения в нарушение статьи 3 Конвенции.

140. Что касается процедуры выдачи, Суд считает, что первый заявитель постоянно поднимал перед национальными властями вопрос о риске того, что будет подвергнут обращению в нарушение статьи 3 Конвенции, приводя ряд конкретных и подробных аргументов. В частности, он ссылаясь на свой предыдущий опыт якобы перенесенного жестокого обращения и тот факт, что таджикские власти преследовали его на религиозной почве. Первый заявитель обосновал свои утверждения, сославшись на доклады международных организаций о ситуации с правами человека в Таджикистане, в частности в отношении риска жестокого обращения и преследования,

которому люди подвергаются за свои религиозные убеждения (см. пункт 39 выше), а также на прецедентное право Суда.

141. Принимая во внимание находящиеся в его распоряжении материалы, Суд отмечает, что национальные власти, включая суды двух инстанций, рассмотрели доводы заявителя и отклонили их как необоснованные. В частности, они установили, что утверждения первого заявителя о том, что он подвергался жестокому обращению в Таджикистане, не подтверждены никакими доказательствами. Кроме того, они ссылались на тот факт, что, несмотря на прибытие в Россию в 2005 году, первый заявитель никогда не обращался с ходатайством о предоставлении ему убежища или статуса беженца как лицу, преследуемому по религиозным или политическим мотивам. Вместо этого он ходатайствовал о предоставлении ему российского гражданства, представив ложную информацию и фальшивые документы. Кроме того, запрос о выдаче был удовлетворен лишь в отношении обвинений в причастности к преступной группе или организации; в части обвинения в разжигании расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды и публичных призывах к свержению политического строя или нарушения территориальной целостности Республики Таджикистан в удовлетворении запроса было отказано. Местные власти приняли во внимание гарантии, предоставленные властями Таджикистана, что в случае выдачи первый заявитель не будет подвергнут жестокому обращению и будет преследоваться только за преступления, в отношении которых была удовлетворена просьба о выдаче.

142. Что касается процедуры предоставления убежища, Суд отмечает, что первый заявитель подал ходатайство о предоставлении ему временного убежища и статуса беженца в региональное отделение Федеральной миграционной службы 15 декабря 2011 года, то есть лишь после того, как решение о его выдаче было окончательно утверждено национальными судами. Он привел те же аргументы, что и в ходе разбирательства о выдаче. На первом этапе судебного разбирательства его доводы первоначально были отклонены как необоснованные со ссылкой на отсутствие доказательств предполагаемого предыдущего жестокого обращения; тот факт, что с 2004 года первый заявитель никогда не обращался ни за предоставлением ему убежища, ни за видом на жительство; гарантии, предоставленные властями Таджикистана, что в случае выдачи первого заявителя он будет преследоваться лишь за преступления, в отношении которых был удовлетворен запрос о выдаче, что он не будет подвергнут жестокому обращению и привлечен к ответственности за свои политические взгляды или религиозные убеждения. Суд не может не принять во внимание тот факт, что в

конечном итоге временное убежище не было предоставлено первому заявителю вплоть до 17 августа 2013 года.

(б) Оценка риска Судом

143. Теперь Суд должен оценить, существует ли реальный риск того, что в случае выдачи в Таджикистан заявитель подвергнется обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции. В соответствии с прецедентным правом Суда и принимая во внимание тот факт, что первый заявитель еще не был выдан в связи с применением обеспечительной меры в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда, фактической датой оценки данного риска является дата рассмотрения дела Судом.

144. По утверждению первого заявителя, его опасения возможного жестокого обращения в Таджикистане обоснованы тремя факторами. Во-первых, он якобы уже подвергся жестокому обращению в Таджикистане. Во-вторых, согласно ряду докладов, общая ситуация с правами человека в принимающей стране является плачевной. В-третьих, он лично подвергается большему риску жестокого обращения, чем любые другие лица, содержащиеся под стражей в Таджикистане, поскольку таджикские власти подозревают его в причастности к деятельности организации «Хизб ут-Тахрир».

145. Что касается первого аргумента, Суд отмечает, что национальные власти отвергли утверждения первого заявителя о том, что он подвергся жестокому обращению в Таджикистане, как не подкрепленные никакими доказательствами. Первый заявитель не представил каких-либо материалов, которые позволили бы Суду прийти к иным выводам.

146. Суд далее рассмотрит, дает ли общий политический климат в Таджикистане основания предполагать, что заявитель будет подвергнут жестокому обращению в принимающей стране. Суд отмечает в этой связи, что свидетельства из ряда объективных источников, несомненно, демонстрируют, что общая ситуация с правами человека в Таджикистане вызывает серьезную озабоченность. Например, Комитет ООН против пыток отметил многочисленные и систематические сообщения о регулярном применении пыток и жестоком обращении с подозреваемыми, что подтверждается различными источниками, а также отсутствие оперативного и эффективного расследования по таким заявлениям (см. пункт 117 выше). Он также указал на недостаточные процессуальные и практические гарантии против произвольного задержания и плохие условия содержания под стражей (см. там же). Комитет ООН против пыток особо отметил, что предполагаемые члены запрещенных исламских групп, при выдаче их в Таджикистан, содержатся в одиночном заключении и подвергаются жестокому обращению (там

же). По словам специального докладчика ООН по вопросам пыток, в Таджикистане практикуется в различных формах давление на задержанных с целью получения признательных показаний, включая угрозы, избиения и пытки электрическим током (см. пункт 121 выше). Правозащитная организация «Хьюман Райтс Вотч» отметила, что использование пыток для получения признательных показаний подозреваемых остается нерешенной проблемой, и отметила сообщения в местных СМИ о судебном преследовании предполагаемых членов «Хизб ут-Тахрир» (см. пункт 118 выше). В соответствии с докладом Государственного департамента США по Таджикистану за 2011 год, на который ссылался первый заявитель, по имеющейся информации, некоторые сотрудники служб безопасности продолжают использовать физическое принуждение для получения признательных показаний (см. пункт 120 выше). «Международная амнистия» в своем докладе за 2012 год, на который также ссылался первый заявитель, выразила обеспокоенность по ряду случаев, имевших место в последние годы, когда люди, выданные в Таджикистан, подверглись жестокому обращению со стороны сотрудников правоохранительных органов после их возвращения в страну. В частности, они отметили, что это касалось предполагаемых членов запрещенных исламских группировок (см. пункт 119 выше).

147. Принимая во внимание приведенные выше источники, Суд признает, что доклады о ситуации с правами человека в Таджикистане вызывают беспокойство. Тем не менее, он подчеркивает, что одной лишь ссылки на общую ситуацию в отношении соблюдения прав человека в той или иной стране для запрета выдачи, как правило, недостаточно (см. постановление Европейского Суда от 20 мая 2010 года по делу *Камышев против Украины (Kamyshov v. Ukraine)*, жалоба № 3990/06, пункт 44, и постановление Европейского Суда от 5 июня 2012 года по делу *Шакуров против России (Shakurov v. Russia)*, жалоба № 55822/10, пункт 135).

148. Что касается конкретных утверждений, касающихся первого заявителя, его главным аргументом является опасность жестокого обращения в Таджикистане в связи с характером преступлений, в которых он обвиняется. Суд отмечает, что первый заявитель разыскивается властями Таджикистана в связи с его предполагаемым активным участием в деятельности «Хизб ут-Тахрир», религиозной организации, которую Верховный суд Таджикистана запретил по причине ее экстремистской деятельности. Полный список обвинений против заявителя включает в себя, помимо подстрекательства к религиозной ненависти и участия в преступной организации, призывы к свержению конституционного строя, что, несомненно, относится к категории преступлений против национальной безопасности.

149. Принимая во внимания сообщения из различных международных органов (см. пункт 146 выше), и свои недавние постановления, Суд считает, что имеются серьезные основания полагать, что в Таджикистане существует практика преследования членов или сторонников «Хизб ут-Тахрир», чьи основные цели можно отнести как к религиозным, так и к политическим (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Ходжаев против России*, пункты 94-105, и вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Гафоров против России*, пункты 128-40). Ссылка Властей Российской Федерации на то, что первый заявитель не обращался с ходатайством о предоставлении ему политического убежища до момента, пока решение о его выдаче не было, в конце концов, утверждено национальными судами, не обязательно опровергает утверждения первого заявителя о риске жестокого обращения, поскольку защита, предоставляемая статьей 3 Конвенции, в любом случае шире, чем гарантии, предусмотренные в статьях 32 и 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Ходжаев против России*, пункт 101).

150. Суд отмечает, что власти Российской Федерации положились на гарантии Генеральной прокуратуры Таджикистана, что первый заявитель не будет подвергнут жестокому обращению (см. пункт 124 выше). В связи с этим Суд отмечает, что дипломатические гарантии не являются сами по себе достаточными для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения в тех случаях, когда надежные источники сообщают о практике действий или попустительстве властей, которые явно противоречат принципам Конвенции (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Гафоров против России*, пункт 138).

151. В связи с вышеизложенным, Суд считает, что были продемонстрированы веские доводы, что в случае его выдачи в Таджикистан первый заявитель столкнется с реальным риском обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции.

152. Суд приходит к выводу, что исполнение решения о выдаче в отношении заявителя повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции.

(б) Статья 13 Конвенции

153. Принимая во внимание доводы первого заявителя, Суд считает, что суть его жалобы в соответствии со статьей 13 Конвенции, которую он считает «обоснованной» (см. постановление Европейского Суда от 11 декабря 2008 года по делу *Муминов против России* (*Muminov v. Russia*), жалоба № 42502/06, пункт 99), состоит в том, что национальные власти не провели тщательного исследования риска

того, что он подвергнется жестокому обращению в случае его выдачи в Таджикистан.

154. В этой связи Суд отмечает, что он уже рассматривал этот вопрос в контексте статьи 3 Конвенции. Принимая во внимание свои выводы, изложенные в пунктах 139-42 выше, Суд считает, что нет необходимости рассматривать по существу данную жалобу отдельно (см., *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Макарацис против Греции (Makaratzis v. Greece)*, жалоба № 50385/99, пункты 84-86, ECHR 2004-XI).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПОДПУНКТА «F» ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

155. Первый заявитель также жаловался, что его задержание и последующее содержание под стражей с целью выдачи было произведено в нарушение подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. В частности, он утверждал, что при санкционировании его содержания под стражей в решении от 9 декабря 2010 года Мещанский районный суд г. Москвы нарушил требования статьи 61 Минской конвенции 1993 года, поскольку в материалах дела не имелось никаких документов, представленных властями Таджикистана, подтверждающих их намерение добиваться его выдачи. Более того, ни в вышеупомянутом первоначальном постановлении о заключении под стражу, ни в последующих постановлениях о продлении срока содержания под стражей от 11 января и 3 июня 2011 не указывалось, были ли приняты какие-либо меры с целью выдачи первого заявителя. Подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче». ...»

A. Доводы сторон

156. Власти Российской Федерации оспорили этот довод. Они заявили, что содержание первого заявителя под стражей с целью выдачи было произведено в полном соответствии с национальным законодательством. Первый заявитель присутствовал на всех слушаниях суда первой инстанции, касающихся его содержания под стражей, и когда он ходатайствовал о своем участии в слушаниях по кассационной жалобе, такая возможность была ему предоставлена с

помощью видео-конференции. Продолжительность его содержания под стражей не превышала сроков, допускаемых согласно национальному законодательству, и он был освобожден, как только была достигнута максимальная продолжительность этого срока. Соответственно, содержание первого заявителя под стражей было осуществлено полностью как в соответствии с национальным законодательством, так и подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

157. Первый заявитель утверждал, что его содержание под стражей в течение двенадцати месяцев противоречило подпункту «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку ни в одном из решений, согласно которым продлевался срок его содержания под стражей, не содержалось ссылки на конкретные меры, принимаемые в отношении хода проверки перед выдачей. Кроме того, он напомнил, что 9 декабря 2010 года Мещанский районный суд г. Москвы вынес постановление о заключении его под стражу в отсутствие соответствующего запроса со стороны властей Таджикистана либо любого их подтверждения, что они намереваются в дальнейшем добиваться его выдачи.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость

158. Суд повторяет, что он не может не принимать в расчет применение правила шести месяцев лишь потому, что власти Российской Федерации не заявили предварительного возражения на этот счет (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Блечич против Хорватии (Blečić v. Croatia)*, жалоба № 59532/00, пункт 68, ECHR 2006-III).

159. Таким образом, Суд отмечает, прежде всего, что жалобы, касающиеся законности содержания под стражей первого заявителя после 7 декабря 2010 года, впервые были заявлены в Суд 25 января 2012 года. Принимая во внимание тот факт, что последнее решение, санкционирующее содержание первого заявителя под стражей, было вынесено 3 июня 2011 года и оставлено в силе судом кассационной инстанции 6 июля 2011 года, что до момента подачи жалобы в Суд составляет более шести месяцев, Суд не может рассматривать жалобу в отношении формальной законности содержания первого заявителя под стражей в ожидании выдачи (см., в аналогичном контексте, постановление Европейского Суда от 24 мая 2007 года по делу *Соловьев против России (Solovyev v. Russia)*, жалоба № 2708/02, пункт 83; постановление Европейского Суда от 4 марта 2010 года по делу *Савенкова против России (Savenkova v. Russia)*, жалоба № 30930/02, пункт 62; постановление Европейского Суда от

15 июля 2010 года по делу *Владимир Кривоносов против России* (*Vladimir Krivonosov v. Russia*), жалоба № 7772/04, пункт 109; и вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Шакуров против России*, пункт 152).

160. Из этого следует, что данная часть жалобы должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

161. Что касается продолжительности непрерывного срока содержания заявителя под стражей во время процедуры выдачи с 7 декабря 2010 года по 7 декабря 2011 года, Суд считает, что срок содержания под стражей является длящимся обстоятельством в той части, в какой это касается вопроса о проявленном усердии в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Таким образом, Суд будет оценивать данный период содержания под стражей целиком (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 19 марта 2009 года по делу *Полонский против России* (*Polonskiy v. Russia*), жалоба № 30033/05, пункт 132; постановление Европейского Суда от 23 апреля 2009 года по делу *Губкин против России* (*Gubkin v. Russia*), жалоба № 36941/02, пункт 134; и постановление Европейского Суда от 16 января 2007 года по делу *Солмаз против Турции* (*Solmaz v. Turkey*), жалоба № 27561/02, пункты 34-37 в контексте статьи пункта 3 статьи 5 Конвенции). Суд полагает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «a» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Она также не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, она является приемлемой.

2. Существо жалобы

162. Суд отмечает, что подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции не требует, чтобы лицо, в отношении которого осуществляется процедура с целью выдачи, обязательно помещалось бы под стражу, например, чтобы предотвратить совершение преступления или не дать ему возможности скрыться. В связи с этим, подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции предусматривает иной уровень защиты, чем подпункт «c» пункта 1 статьи 5: все, что требуется в соответствии с подпунктом «f» — это то, чтобы «принимались меры с целью депортации или выдачи». Поэтому не имеет значения, для целей подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, может ли соответствующее решение о выдаче быть оправдано в рамках национального законодательства или Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу *Чонка против Бельгии* (*Çonka v. Belgium*), жалоба № 51564/99, пункт 38, ECHR 2002-I, и вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Чахал против Соединенного Королевства*, пункт 112). Лишение свободы на основании подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции будет являться приемлемым лишь до тех пор, пока длится процедура выдачи. Если

такая процедура не ведется с должным усердием, содержание под стражей перестает быть допустимым в соответствии с подпунктом (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции. Другими словами, продолжительность содержания под стражей для этой цели не должна превышать разумно требующегося срока (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Saadi против Соединенного Королевства* (*Saadi v. the United Kingdom*), жалоба № 13229/03, пункт 74, ECHR 2008).

V [163. Суд напоминает, что обжалуемый период длился двенадцать месяцев. Он начался 7 декабря 2010 года, когда первый заявитель был заключен под стражу с целью выдачи, и закончился 7 декабря 2011 года, когда он был освобожден. По причинам, представленным ниже, Суд не считает данный период чрезмерным.

164. Суд отмечает, что Министерство безопасности Таджикистана объявило первого заявителя в розыск 4 января 2005 года. Генеральная прокуратура Таджикистана направила запрос о выдаче первого заявителя в Генеральную прокуратуру РФ 29 декабря 2010 года. Первый заявитель был допрошен в период с декабря 2010 года по декабрь 2011 года; Генеральная прокуратура РФ получила запрос о выдаче и дипломатические гарантии от Генеральной прокуратуры Таджикистана; Федеральная миграционная служба подтвердила, что первый заявитель не имел российского гражданства и что он никогда не был зарегистрирован по месту жительства; в следственном изоляторе ИЗ-77/4 подтвердили, что первый заявитель не заявлял в администрацию учреждения никаких ходатайств о предоставлении статуса беженца. После того, как 30 июня 2011 года решения о выдаче было одобрено Генеральной прокуратурой РФ, оно было пересмотрено судами двух инстанций, окончательное решение было вынесено Верховным Судом РФ 6 декабря 2011 года.

165. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд делает вывод, что на протяжении всего периода с 7 декабря 2010 года по 7 декабря 2011 года разбирательство о выдаче шло своим ходом и соответствовало национальному законодательству (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Шакуров против России*, пункт 170).

166. В свете вышеизложенного, Суд считает, что требование в отношении усердия в данном случае было выполнено.

167. Следовательно, нарушения подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции не было.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

168. Заявитель жаловался, ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, что он не мог добиться эффективного судебного рассмотрения вопроса о содержании его под стражей в ожидании выдачи. В частности, он утверждал, что у него не было возможности инициировать судебное рассмотрение по собственной инициативе, и что в своих решениях от 9 февраля и 6 июля 2011 года Московский городской суд не рассмотрел должным образом основные аргументы его адвоката. Пункт 4 статьи 5 Конвенции гласит следующее:

«4. Всякий, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Доводы сторон

169. По мнению властей Российской Федерации, первый заявитель имел все возможности подать жалобу в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ, и он этой возможностью воспользовался. Данная жалоба являлась эффективным средством правовой защиты, поскольку суд мог распорядиться о его освобождении в том случае, если бы его содержание под стражей было признано незаконным. Власти Российской Федерации сослались на пример из отечественной практики, когда суд вынес решение об освобождении лица, находящегося под стражей в ожидании выдачи, поскольку распоряжение прокурора о заключении его под стражу было признано незаконным. Таким образом, по их мнению, доступные средства соответствовали требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции.

170. Первый заявитель утверждал, что аргументы его адвоката не были должным образом рассмотрены Московским городским судом в его решениях от 9 февраля и 6 июля 2011 года. Он также утверждал, что глава 13 Уголовно-процессуального кодекса РФ не предоставляла ему возможность ходатайствовать об освобождении между судебными пересмотрами вопроса о содержании его под стражей, которые были инициированы по требованию прокуратуры.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость

171. Что касается жалобы, касающейся предполагаемого нежелания Московского городского суда рассмотреть аргументы адвоката первого заявителя в решениях от 9 февраля и 6 июля 2011 года, Суд

отмечает, что жалобы на нарушение впервые были поданы в Суд 25 января 2012 года, после истечения шестимесячного срока. Из этого следует, что данная часть жалобы подлежит отклонению в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

172. Что касается жалобы о доступности эффективного судебного пересмотра содержания первого заявителя под стражей в ожидании выдачи, Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении статьи подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также она не является неприемлемой на каком-либо ином основании. Следовательно, она является приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

173. Суд напоминает, что требование Конвенции о том, чтобы действия по лишению свободы могли быть подвергнуты независимой судебной проверке, имеет принципиальное значение с учетом основной цели статьи 5 Конвенции в отношении предоставления защиты от произвола (см. постановление Европейского Суда по делу *Варнабов против Болгарии* (*Varbanov v. Bulgaria*), жалоба № 31365/96, пункт 58, ECHR 2000-X).

174. Пункт 4 статьи 5 Конвенции предоставляет задержанным лицам право на инициирование разбирательства для анализа соблюдения процессуальных и материальных условий, которые необходимы для «законности» лишения свободы. Понятие «законность» в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции имеет тот же смысл, что и в пункте 1, так что задержанное лицо имеет право на рассмотрение «законности» его содержания под стражей в свете не только требований национального законодательства, но также и Конвенции, общих принципов, изложенных в ней, и в свете цели ограничений, допускаемые пунктом 1 статьи 5 Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 19 февраля 2009 года по делу *А. и другие против Соединенного Королевства* (*A. and Others v. the United Kingdom*), жалоба № 3455/05, пункт 202, а также содержащиеся в нем ссылки).

175. Пункт 4 статьи 5 Конвенции гарантирует наличие средства правовой защиты, которое должно быть доступным заинтересованному лицу (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 17 января 2012 года по делу *Станев против Болгарии* (*Stanev v. Bulgaria*), жалоба № 36760/06, пункты 174-177; и постановление Европейского Суда от 21 октября 1986 года по делу *Санчес-Рейссе против Швейцарии* (*Sanchez-Reisse v. Switzerland*), пункт 45, Series A № 107).

176. В тех случаях, когда решение о лишении человека свободы выносится административным органом, пункт 4 статьи 5 Конвенции обязывает Договаривающиеся государства предоставить задержанным право на обращение в суд. Однако если решение принимается судом после разрешения дела, контроль, требуемый пунктом 4 статьи 5 Конвенции, уже инкорпорирован в данное судебное решение. Пункт 4 статьи 5 Конвенции соблюден, например, в случаях, когда приговор в виде тюремного заключения выносится после «осуждения компетентным судом» в соответствии с подпунктом «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции, или в тех случаях, когда «суд» санкционирует задержание бродяги в значении смысла пункта «е» статьи 5 Конвенции, (см. постановление Европейского Суда от 18 июня 1971 года по делу *Де Вильде, Оомс и Версин против Бельгии (De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium)*, пункт 76, Series A № 12).

177. Для того, чтобы являться таким «судом», орган власти должен обеспечить фундаментальные процессуальные гарантии, действующие в вопросах лишения свободы. Если процедура компетентного органа такие гарантии не обеспечивает, государство не может быть освобождено от обязанности предоставить заинтересованному лицу второй орган, который сможет обеспечить все гарантии судебной процедуры. Вмешательство одного органа будет соответствовать пункту 4 статьи 5 Конвенции, но при условии, что процедура носит судебный характер и предоставляет лицу гарантии, соответствующие конкретному виду лишения свободы (там же).

178. Пункт 4 статьи 5 Конвенции не гарантирует право на такой судебный пересмотр, который бы предоставил суду право подменять позицию компетентного государственного органа своей по вопросам, связанным с обстоятельствами дела, в т.ч. вопросам исключительной целесообразности. Судебный пересмотр должен, тем не менее, быть достаточно широким, чтобы отражать те условия, которые необходимы для «законного» содержания лица под стражей в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Пересматривающий дело «суд» должен быть компетентен в вопросах вынесения «решений» относительно «законности» содержания под стражей и распоряжения об освобождении, если содержание под стражей окажется незаконным (см. вышеуказанное постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *А. и другие против Соединенного Королевства*, пункт 202).

179. Формы судебного пересмотра, соответствующие требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции, могут варьироваться в разных странах, и будут зависеть от соответствующего вида лишения свободы. К задачам Суда не относится исследование вопроса о наиболее подходящих к рассматриваемой области отношений системах. Не исключено, что обеспечить соблюдение требований пункта 4 статьи 5

Конвенции сможет система автоматической периодической проверки законности содержания под стражей судом (см. постановление Европейского Суда от 12 мая 1992 года по делу *Мегиери против Германии (Megyeri v. Germany)*, пункт 22, Series A № 237-A).

180. В ряде дел, рассматриваемых в соответствии с подпунктом «е» пункта 1 статьи Конвенций в отношении «душевнобольных» Суд заявлял, что лицо, задержанное на неопределенный или длительный период, в принципе, имеет право, во всяком случае, когда не существует автоматического периодического пересмотра судебного характера, «через разумные промежутки времени» инициировать разбирательство в суде, поставив вопрос о «законности» — по смыслу Конвенции — его содержания под стражей (см. вышеуказанное постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Станев против Болгарии*, упомянутое выше, пункт 171, а также содержащееся в нем ссылки). Значительные интервалы в контексте автоматического периодического пересмотра могут привести к нарушению пункта 4 статьи 5 Конвенции (см., среди других прецедентов, постановление Европейского Суда от 24 сентября 1992 года по делу *Херцегфалви против Австрии (Herczegfalvy v. Austria)*, пункт 77, Series A № 244).

(б) Применение вышеупомянутых принципов к данному делу

181. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что в отличие от некоторых предыдущих российских дел, касающихся содержания под стражей с целью выдачи (см., среди многих других прецедентов, постановление Европейского Суда от 11 октября 2007 года по делу *Насруллоев против России (Nasrulloev v. Russia)*, жалоба № 656/06, пункты 87-89, и вышеуказанное постановление Европейского Суда от по делу *Джураев против России*, пункт 68), о заключении первого заявителя под стражу распорядился российский суд, а не иностранный судебный или несудебный орган. Нет никаких сомнений, что данный суд удовлетворял требованию о «суде», упомянутом в пункте 4 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 5 июня 2012 года по делу *Ходжамбердиев против России (Khodzhamberdiyev v. Russia)*, жалоба № 64809/10, пункт 108).

182. Он также отметил, что первоначальное постановление о заключении под стражу было вынесено по ходатайству прокуратуры, и что именно в этом постановлении суд установил срок содержания первого заявителя под стражей, который мог продлеваться. В отличие от предыдущих дел в отношении России (см., среди прочих прецедентов, вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Муминов против России*, пункт 114), до истечения срока, содержание под стражей впоследствии могло продлеваться на основании ходатайств о продлении срока содержания под стражей со

стороны прокуратуры, что и произошло 11 января и 3 июня 2011 года, также на определенные периоды времени.

183. Суд считает, что вышеуказанное разбирательство представляло из себя форму периодического пересмотра судебного характера (см. вышеуказанное постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Станев против Болгарии*, пункт 171, и вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Ходжамбердиев против России*, пункт 110). Похоже, что суд первой инстанции был в состоянии оценить условия, которые, в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, имеют важное значение для «законности содержания под стражей» с целью выдачи (см. пункты 174 и 178 выше).

184. Кроме того, в то время как пункт 4 статьи 5 Конвенции не обязывает Договаривающиеся государства создавать второй уровень юрисдикции для рассмотрения вопроса о законности содержания под стражей (см. постановление Европейского Суда от 25 октября 2007 года по делу *Лебедев против России (Lebedev v. Russia)*, жалоба № 4493/04, пункт 96), в соответствии с национальным законодательством первый заявитель имел все возможности обжалования постановлений по продлению срока содержания под стражей в суде вышестоящей инстанции, которые имели полномочия для рассмотрения их по различным основаниям. Суд отмечает в этой связи, что, по неуказанным причинам, первый заявитель решил не обжаловать первоначальное постановление о заключении под стражу от 9 декабря 2010 года. Тем не менее, он обжаловал постановления о заключении под стражу от 11 января и 3 июня 2011 года. Жалобы были рассмотрены 9 февраля и 6 июля 2011 года, соответственно. Тот факт, что жалобы первого заявителя были отклонены, не является достаточным для того, чтобы сделать вывод об отсутствии у вышеуказанных средств каких-либо шансов на успех. Как и в случае разбирательства в суде первой инстанции, представляется, что разбирательство в суде кассационной инстанции позволяло оценить законность содержания первого заявителя под стражей с целью выдачи.

185. Первый заявитель не представил каких-либо конкретных доводов, оспаривающих эффективность доступного ему разбирательства, или подтверждающих какую-либо несправедливость данных разбирательств. Как Суд упоминал ранее, в тех случаях, когда заключение под стражу санкционируется судом, при последующих разбирательствах меньшее внимание уделяется вопросам произвола, но обеспечиваются гарантии, направленные, в первую очередь, на оценку целесообразности продолжения содержания под стражей. Таким образом, Суд не был бы обеспокоен в той же степени, как при рассмотрении дела судом кассационной инстанции, если бы

рассматриваемое постановление о заключении под стражу было вынесено (как в настоящем деле) по решению суда и при условии, что процедура, которой следовал данный суд, имела судебный характер и предоставляла задержанному соответствующие процессуальные гарантии (там же). Первый заявитель был в состоянии привести в жалобе различные доводы, касающиеся его содержания под стражей, в том числе доводы, связанные с требованием проявления усердия при проведении процедуры выдачи и продолжительностью санкционированного срока содержания под стражей, когда суд рассматривал повторное ходатайство прокурора о продлении срока содержания под стражей, или в жалобе на постановление о заключении под стражу (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Ходжамбердиев против России*, пункт 112).

186. По мнению Суда, заявитель, тем самым, был способен «инициировать разбирательство», посредством которого правомерности его заключения под стражу могла быть дана эффективная оценка судом.

187. Следовательно, нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции в этом отношении не было.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

188. Наконец, первый заявитель жаловался в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Конвенции на то, что его право на презумпцию невиновности было нарушено Московским городским судом в его решении от 14 сентября 2011 года, ввиду того, что при оставлении в силе постановления Генеральной прокуратуры РФ о его выдаче суд указал, что заявитель на слушаниях не отрицал свое членство в организации «Хизб ут-Тахрир»; и суд основывал свои выводы на изобличающей первого заявителя информации, которая была получена в результате расследования уголовного дела в Российской Федерации, а точнее, на основании его заявлений, сделанных во время допроса 7 декабря 2010 года. Пункт 2 статьи 6 Конвенции гласит следующее:

«2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.»

A. Доводы сторон

189. Власти Российской Федерации оспорили этот довод. Они заявили, что 14 сентября 2011 года Московский городской суд не объявлял первого заявителя виновным. Жалоба первого заявителя на нарушение принципа презумпции невиновности в дальнейшем была

отклонена Верховным Судом РФ 6 декабря 2011 года. Соответственно, нарушения пункта 2 статьи 6 Конвенции не было.

190. Первый заявитель настаивал, что ссылка в решении Московского городского суда от 14 сентября 2011 года на его членство в «Хизб ут-Тахрир» представляла собой нарушение принципа презумпции невиновности, закрепленного в пункте 2 статьи 6 Конвенции.

Б. Оценка Суда

191. Суд напоминает, что соответствующий аспект пункта 2 статьи 6 Конвенции направлен на предотвращение подрыва справедливого уголовного судопроизводства предвзятыми высказываниями, сделанными в тесной связи с данным судебным разбирательством. Если такого разбирательства нет или не было, заявления, приписывающие уголовно-наказуемое или иное предосудительное поведение, имеют отношение, скорее, к соображениям защиты от диффамации и адекватному доступу к суду для определения гражданских прав и поднятия потенциальных вопросов в соответствии со статьями 8 и 6 Конвенции (см. решение Европейского Суда по правам человека от 20 ноября 2003 года по делу *Зольманн против Соединенного Королевства* (*Zollmann v. the United Kingdom*), жалоба № 62902/00).

192. Принцип презумпции невиновности, закрепленный в пункте 2 статьи 6 Конвенции, является одним из элементов справедливого уголовного судопроизводства, который требуется в соответствии с пунктом 1 (см. постановление Европейского Суда от 10 февраля 1995 года по делу *Аллене Де Рибемон против Франции* (*Alletet de Ribemont v. France*), пункт 35, Series A № 308). Он запрещает преждевременное выражение самим судом мнения, что лицо, «обвиняемое в совершении уголовного преступления», является виновным, до того момента, пока это не будет доказано в соответствии с законом (см. постановление Европейского Суда от 25 марта 1983 года по делу *Минелли против Швейцарии* (*Minelli v. Switzerland*), пункт 37, Серия А № 62), и также распространяется на заявления других государственных должностных лиц в отношении уголовных расследований, которые заставляют общественность поверить, что подозреваемый виновен, и предвосхищают оценку фактов компетентным судебным органом (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Аллене Де Рибемон против Франции*, пункт 41; и *Буткявичюс против Литвы* (*Butkevicius v. Lithuania*), жалоба № 48297/99, пункт 49, ECHR 2002-II).

193. Суд уже установил, что пункт 2 статьи 6 Конвенции является применимым, если процедура выдачи является прямым следствием и

сопутствующим обстоятельством расследования уголовного дела, возбужденного против лица в принимающем государстве (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Исмоилов и другие против России*, пункт 164), и не видит оснований для применения к настоящему делу иного подхода.

194. Суд также напоминает, что принцип презумпции невиновности будет нарушен, если судебное решение или заявление со стороны публичного деятеля в отношении лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления отражает мнение о его виновности до того, как он будет признан виновным в соответствии с законом (см. постановление Европейского Суда от 6 февраля 2007 года по делу *Гарыцкий против Польши (Garycki v. Poland)*, жалоба № 14348/02, пункт 66).

195. Должно иметь место принципиальное различие между заявлением, что кто-то лишь подозревается в совершении преступления, и ясное заявление, в отсутствие окончательного приговора, о том, что данное лицо совершило соответствующее преступление. Суд неоднократно подчеркивал важность выбора слов государственными должностными лицами в их заявлениях до того, как лицо было осуждено и признано виновным в совершении конкретного уголовного преступления (см. постановление Европейского Суда от 3 октября 2002 года по делу *Бёмер против Германии (Böhmer v. Germany)*, жалоба № 37568/97, пункты 54 и 56; постановление Европейского Суда от 27 февраля 2007 года по делу *Нейтъяк против Словакии (Nešták v. Slovakia)*, жалоба № 65559/01, пункты 88 и 89; постановление Европейского Суда от 23 октября 2008 года по делу *Хужин и другие против России (Khuzhin and Others v. Russia)*, жалоба № 13470/02, пункт 94). Вопрос о том, нарушает ли заявление государственного должностного лица принцип презумпции невиновности, должен решаться в контексте конкретных обстоятельств, в которых было сделано оспариваемое заявление (см. постановление Европейского Суда по делу *Дактарас против Литвы (Daktaras v. Lithuania)*, жалоба № 42095/98, пункт 43, ECHR 2000-X; и постановление Европейского Суда от 28 апреля 2005 года по делу *A.L. и другие против Германии (A.L. v. Germany)*, жалоба № 72758/01, пункт 31).

196. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что первый заявитель, в частности, жаловался на утверждение Московского городского суда о том, что он «не отрицал свое членство в «Хизб ут-Тахрир». Суд отмечает, что данное утверждение было сделано со ссылкой на допрос первого заявителя 7 декабря 2010 года, проведенный в ходе расследования деятельности членов Хизб-ут-Тахрир в Москве. Согласно протоколу данного допроса, первый заявитель четко заявил, что он принял присягу в

качестве члена «Хизб ут-Тахрир» в 2004 году в Таджикистане. Суд также отмечает, что Московский городской суд, в частности, указал, что при принятии решения о выдаче первого заявителя он не будет обсуждать вопрос о его виновности. Когда данный вопрос был поднят в кассационной жалобе, направленной в Верховный Суд РФ, то последний в своем решении от 6 декабря 2011 года не усмотрел доказательств того, что суд первой инстанции рассматривал вопрос вины первого заявителя и подчеркнул, что суд первой инстанции специально указал, что это не являлось его задачей. Таким образом, Верховный Суд постановил, что ссылка Московского городского суда в его решении на пояснения первого заявителя по поводу его членства в «Хизб ут-Тахрир», данные ранее, не может считаться рассмотрением вопроса о его виновности.

197. По мнению Суда, ссылки Московского городского суда на допрос первого заявителя от 7 декабря 2010 года явились не более чем оценкой обстоятельств, имеющих отношение к принятию решения о его выдаче. Он отмечает также, что суд первой инстанции и суд кассационной инстанции особо подчеркнули, что вопрос вины первого заявителя в отношении преступлений, в совершении которых он обвинялся в Таджикистане, не входит в пределы их компетенции. Таким образом, Суд удовлетворен тем, что Московский городской суд имел в виду не вопрос о том, была ли вина первого заявителя установлена доказательствами (что явно не являлось тем вопросом, который должен был определяться в ходе процедуры выдачи), а существовали ли правовые основания для выдачи первого заявителя в запрашивающую страну (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Гафоров против России*, пункт 213). По мнению Суда, то же утверждение справедливо и для более общих утверждений первого заявителя в отношении рассмотрения Московским городским судом его допроса от 7 декабря 2010 года.

198. При таких обстоятельствах, Суд считает, что формулировка решения Московского городского суда от 14 сентября 2011 года не являлась объявлением первого заявителя виновным в нарушение презумпции невиновности (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Гафоров против России*, пункт 215).

199. Из этого следует, что в данной части жалоба должна быть отклонена на основании пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ВТОРОЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

200. Вторая заявительница, ссылаясь на статью 5 Конвенции, что 19 мая 2011 года, в период с 9:00 утра до 19:30 вечера она была подвергнута задержанию, которое не было никем признано. Она

настаивала, со ссылкой на отсутствие ее подписи на какой-либо расписке в получении повестки или протоколе допроса в этот день, что сотрудники ФСБ посадили ее в свою машину и отвезли в Московское управление ФСБ против ее воли. Пункт 1 статьи 5 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

- (а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;
- (б) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;
- (в) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;
- (г) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного Постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;
- (д) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;
- (е) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче».

А. Доводы сторон

201. Власти Российской Федерации утверждали, что утром 19 мая 2011 года вторая заявительница попросила сотрудников ФСБ подвезти ее в Московское управление ФСБ. В машине ее свобода не была ограничена, она разговаривала по мобильному телефону и не заявила никаких просьб, например, о звонке ее адвокату или членам ее семьи. Что касается ее отказа подписать протокол допроса, в рамках российского законодательства такой отказ не влечет за собой недопустимость протокола допроса как доказательства.

202. Вторая заявительница утверждала, что позиция властей Российской Федерации являлась неубедительной и противоречивой. Она утверждала, что факт ее непризнаваемого задержания подтверждался следующими обстоятельствами: (i) отсутствие ее подписи на расписке в получении повестки или протоколе допроса от 19 мая 2011 года; (ii), отсутствие каких-либо пояснений рядом с ее отказом от подписания вышеуказанных документов, в то время как в

соответствии с национальным законодательством лицу, отказывающемуся подписать протокол, должна быть предоставлена возможность изложить причины своего отказа; (iii) формулировка протокола допроса, проведенного 19 мая 2011 года, была идентична протоколу допроса, проведенного 13 декабря 2010 года, что, по мнению, второй заявительницы, доказывает, что никакого допроса 19 мая 2011 года в действительности не было; (iv) заявление первого заявителя о том, что во время его допроса в качестве свидетеля 19 мая 2011 года ему было сказано, что в случае его отказа подписать некоторые заявления, его жена попадет в тюрьму (см. пункт 55 выше). Вторая заявительница также указала на определенные предполагаемые несоответствия в докладах сотрудников ФСБ (см. пункты 57-58 выше). В первую очередь, по ее мнению, было бы нелогично с ее стороны сперва отказаться расписываться в получении повестки, а затем просить сотрудников ФСБ ее подвезти. Кроме того, ссылка на положения о принудительных мерах не имела никакого смысла, если власти утверждали, что она села в машину по своей собственной воле. Кроме того, в любом случае, повестка не была направлена ей заранее, в соответствии с требованиями применимых процессуальных норм. Более того, принимая во внимание тот факт, что она была объявлена в розыск в 2006 году, она считает маловероятным, что власти не знали об этом в декабре 2010 года, когда имел место ее первый допрос. Вторая заявительница утверждала, что вышеизложенное являлось неопровержимыми доказательствами того, что в период с 9:00 утра по 19:30 вечера она находилась под контролем властей, и что ее задержание было произвольным и нарушало пункт 1 статьи 5 Конвенции.

Б. Оценка Суда

203. Суд отмечает, что, по словам второй заявительницы утром 19 мая 2011 года около 9:00 часов утра она была насильно посажена в машину сотрудниками ФСБ и доставлена в здание Московского управления ФСБ. По ее мнению, это подтверждается ее отказом расписаться в получении повестки о явке на допрос от того же дня и протоколом последующего допроса. По информации властей Российской Федерации, вторая заявительница изначально отказалась ехать на допрос, но затем передумала и попросила сотрудников ФСБ ее подвезти. Соответствующие сотрудники ФСБ предоставили объяснительные в этом отношении 20 июня 2011 года.

204. Суд отмечает, что сторонами не оспаривается тот факт, что около 9:00 утра 19 мая 2011 года двое сотрудников ФСБ прибыли на машине ко входу в здание, в котором проживала вторая заявительница. Также стороны не оспаривали, что они попытались вручить ей

повестку о явке на допрос, в соответствии с договоренностями, достигнутыми накануне в ходе телефонного разговора. Что касается отказа второй заявительницы расписаться в получении повестки и подписать протокол последующего допроса, в любом случае, рядом с отказом не были указаны какие-либо причины, тогда как отказы сами по себе никак не подтверждают применение силы сотрудниками ФСБ. Кроме того, хотя национальные суды оставили без рассмотрения жалобу второй заявительницы на то, что она была насильственно доставлена в Московское управление ФСБ 19 мая 2011 года по процессуальным основаниям, Московский городской суд в своем решении от 1 августа 2011 установил, что сотрудники ФСБ вручили повестку второй заявительнице, а затем по ее просьбе «подвезли на машине» в здание Московского управления ФСБ. Суд не находит никаких доказательств, которые позволили бы ему отойти от выводов национальных судов в этом отношении.

205. Тем не менее, в любом случае сторонами не оспаривается тот факт, что примерно с 9:00 утра до 10:40 утра 19 мая 2011 года вторая заявительница находилась в машине в сопровождении сотрудников ФСБ, направляясь на допрос в здание Московского управления ФСБ.

206. Суд далее отмечает, что, по словам второй заявительницы, в действительности в тот день не проводилось какого-либо допроса, и что она произвольно удерживалась в здании Московского управления ФСБ. Тем не менее, из протокола допроса, представленного в Суд, представляется ясным, что ее допрашивали в период с 10:40 утра до 14:35 пополудни 19 мая 2011 года. Не имеется никаких признаков того, что протокол не был составлен в соответствии с действующими процессуальными требованиями. Тот факт, что вторая заявительница отказалась подписать этот протокол, не влечет за собой его недействительность, поскольку возможность отказа прямо предусмотрена статьей 190 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Аргумент второй заявительницы о том, что формулировки ее пояснений в протоколе напоминали протокол предыдущего допроса, также является недостаточными, чтобы поставить под сомнение подлинность протокола. Таким образом, Суд не в состоянии обнаружить какие-либо нарушения, которые ставили бы под сомнение подлинность и достоверность протокола допроса.

207. Соответственно, Суд считает установленным тот факт, что в период с 10:40 утра по 14:35 пополудни 19 мая 2011 года вторая заявительница была допрошена в здании Московского управления ФСБ.

208. Следующим вопросом является вопрос о том, была ли вторая заявительница «лишена свободы», когда она находилась в машине и допрашивалась в Московском управлении ФСБ и, соответственно, применима ли статья 5 Конвенции. Суд повторяет, что для того, чтобы

определить, имело ли место лишение свободы, отправной точкой должно быть фактическое положение соответствующего лица, при этом, необходимо учитывать наличие целого ряда факторов, возникающих в конкретном случае, например, таких, как вид, продолжительность, последствия и способ реализации данной меры. Различие между лишением и ограничением свободы проявляется лишь в степени или интенсивности, а не в природе меры или ее характере. Хотя процесс отнесения к одной из этих категорий иногда оказывается весьма нелегкой задачей, по той причине, что некоторые пограничные случаи могут оцениваться лишь субъективно, Суд не может избежать необходимости выбора, от которого зависит применимость или неприменимость статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 6 ноября 1980 года по делу *Гудзарди против Италии* (*Guzzardi v. Italy*), Series A № 39, пункты 92 и 93; и *H.L. против Соединенного Королевства* (*H.L. v. the United Kingdom*), жалоба № 45508/99, пункт 89, ECHR 2004-IX). Статья 5 Конвенции может применяться к лишению свободы даже очень короткой продолжительности (см. постановление Европейского Суда по делу *Гиллан и Квинтон против Соединенного Королевства* (*Gillan and Quinton v. the United Kingdom*), жалоба № 4158/05, пункт 57, ECHR 2010 (выдержки); решение Комиссии от 3 декабря 1979 года по делу *X. против Австрии* (*X. v. Austria*), жалоба № 8278/78; постановление Европейского Суда от 22 мая 2008 года по делу *Илья Стефанов против Болгарии* (*Iliya Stefanov v. Bulgaria*), жалоба № 65755/01, пункт 71; и постановление Большой Палаты Европейского Суда от 23. февраль 2012 года по делу *Крянгэ против Румынии* (*Creangă v. Romania*), жалоба № 29226/03, пункт 91).

209. Тем не менее, Суду нет необходимости решать этот вопрос в настоящем деле, поскольку даже если предположить, что вторая заявительница была лишена свободы, и что статья 5 Конвенции, таким образом, была применима, он признает, что данное лишение свободы было оправдано в соответствии с подпунктом «b» пункта 1 данного положения.

210. В рамках второй части подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции, лицо может быть задержано и заключено под стражу с целью «обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом». Органы Конвенции постановили, что данное обязательство не подлежит широкому толкованию. Оно должно быть определенным и конкретным, а задержание и заключение под стражу должны быть действительно необходимы для обеспечения его исполнения. Кроме того, при оценке оправданности лишения свободы, должен соблюдаться справедливый баланс между значением обеспечения исполнения соответствующего обязательства в демократическом обществе и важностью права на свободу. Соответствующими

факторами достижения этого баланса являются характер и цели обязательства, задержанное лицо, конкретные обстоятельства, которые привели к его заключению под стражу, а также продолжительность содержания под стражей (см. постановление Европейского Суда от 8 июня 1976 года по делу *Энгель и другие против Нидерландов (Engel and Others v. the Netherlands)*, пункт 69 *in limine*, Series A № 22; доклад Комиссии от 18 марта 1981 года по делу *Маквей и другие против Соединенного Королевства (McVeigh and Others v. the United Kingdom)*, жалобы №№ 8022/77, 8025/77 и 8027/77, DR 25, стр. 37-43, пункты 168-96; постановление Европейского Суда от 25 сентября 2003 года по делу *Васильева против Дании (Vasileva v. Denmark)*, жалоба № 52792/99, пункты 36 и 37; постановление Европейского Суда от 24 марта 2005 года по делу *Эппле и против Германии (Erple v. Germany)*, жалоба № 77909/01, пункт 37).

211. Суд отмечает, что примерно между 9:00 и 10:40 утра 19 мая 2011 года вторая заявительница была доставлена на допрос на машине в сопровождении сотрудников ФСБ, а затем в период между 10:40 утра и 14:35 пополудни 19 мая 2011 года она была допрошена в качестве свидетеля по уголовному делу. Возможность обеспечить явку свидетелей по уголовным расследованиям является обычной мерой правового принуждения властей (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Илья Стефанов против Болгарии*, пункт 71). Таким образом, даже если предположить, что вторая заявительница не могла свободно покинуть машину или здание Московского управления ФСБ в течение этого периода времени, Суд не считает, что лишение второй заявительницы свободы на ограниченный период времени с целью принятия ее заявления являлось нарушением пункта 1 статьи 5 Конвенции со стороны сотрудников ФСБ (там же, пункт 75). Суд не видит никаких оснований для предположения о том, что лишение второй заявительницы свободы являлось незаконным, и не считает, что, продержав ее под стражей в течение периода времени, в целом составившего около пяти часов и тридцати пяти минут, власти не смогли соблюсти разумный баланс между необходимостью допросить ее и ее правом на свободу.

212. Суд также отмечает, что, согласно докладом сотрудников ФСБ от 20 июня 2011 года, во время допроса второй заявительницы 19 мая 2011 года они получили информацию, что она была объявлена в международный розыск. После завершения допроса в 14:35 пополудни, они сообщили об этом второй заявительнице и, соответственно, следователю, связались с отделом внутренних дел по Мещанскому району и передали в отдел процессуальные документы, полученные от властей Таджикистана. Затем вторая заявительница была доставлена в здание отдела внутренних дел, в целях задержания и дальнейшего содержания под стражей (см. пункты 57-58 выше).

213. Таким образом, сторонами не оспариваются тот факт, что после 14:35 пополудни 19 мая 2011 года вторая заявительница находилась в Московском управлении ФСБ и затем была доставлена в здание отдела внутренних дел по Мещанскому району.

214. Суд также отмечает тот факт, что в соответствии с протоколом задержания от 19 мая 2011 года вторая заявительница была задержана в 19:30 в тот же день сотрудниками Отдела внутренних дел по Мещанскому району. Вторая заявительница записала в протоколе, что она не согласна с заключением ее под стражу, поскольку она была лишена свободы с 9:00 утра.

215. Соответственно, Суд считает установленным тот факт, что в период с 14:35 пополудни и 19:30 вечера 19 мая 2011 года вторая заявительница была лишена свободы. Кроме того, он отмечает, что ее содержание под стражей после 14:35 пополудни более не являлось обоснованным согласно подпункту «b» пункту 1 статьи 5 Конвенции, поскольку оно не касалось какого-либо «обязательства, предписанного законом». Скорее, задержание касалось объявления ее в международный розыск в качестве подозреваемой и, следовательно, подпадало под подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, в то время как в соответствии с национальным правом лишение ее свободы регулировалось статьями 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

216. Суд отмечает, что в соответствии со статьей 92 Уголовно-процессуального кодекса РФ протокол задержания должен быть составлен в течение трех часов с момента, когда подозреваемое лицо было доставлено в следственные органы или прокуратуру. Суд отмечает, что термин «доставление», используемый в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, означает меры, связанные с принудительным препровождением подозреваемого в орган, уполномоченный официально оформить факт задержания, что, следовательно, фактически представляет собой лишение свободы в рамках производимого задержания. Он отмечает, что информация о том, что вторая заявительница была объявлена в международный розыск, появился во время ее допроса в здании ФСБ, и Суд готов принять, что ее задержание после 14:35 пополудни представляло собой ее доставление в Отдел внутренних дел по Мещанскому району, который в данном случае являлся компетентным органом в целях статьи 92 УПК РФ.

217. Ни одна из сторон не предоставила Суду информацию относительно точного времени, когда вторая заявительница была доставлена в отдел внутренних дел по Мещанскому району. В то же время, не утверждалось, что протокол задержания от 19 мая 2011 года не был составлен в течение трех часов в соответствующее время. Соответственно, она должна была быть доставлена туда в период

между 16:30 и 19:30. Общая продолжительность доставления ее в компетентный орган, таким образом, составляла от одного часа и пятидесяти пяти минут до четырех часов и пятидесяти пяти минут.

218. Суд отмечает позицию Конституционного Суда по поводу продолжительности доставления в рамках административного разбирательства в Определении № 149-О-О от 17 января 2012 года (см. пункты 107-108 выше). Он утверждал, что в соответствующем законодательстве не указывается каких-либо конкретных сроков доставления, поскольку невозможно предусмотреть и учесть конкретные обстоятельства, влияющие на его продолжительность (территориальная удаленность, наличие и/или технической состояние транспорта, пропускная способность автодорог, климатические условия, состояние здоровья доставляемого и пр.). Конституционный Суд пришел к выводу, что продолжительность меры должна быть в целом разумной, поскольку ограничение прав человека при доставлении должно быть пропорционально реальной необходимости такого ограничения в связи с обстоятельствами дела.

219. По мнению Суда, аналогичные соображения применимы и к доставлению в ходе уголовного судопроизводства. Соответственно, в отсутствие конкретных сроков в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, вопрос о том, была ли продолжительность доставления пропорциональной, должен решаться на основе конкретных обстоятельств дела.

220. В данном случае сотрудники ФСБ должны были связаться с отделом внутренних дел по Мещанскому району, предоставить информацию о ситуации и передавать соответствующие документы, организовать перевозку второй заявительницы и фактически обеспечить ее доставление в отдел внутренних дел. Даже если предположить, что доставление заняло максимальную продолжительность времени, указанную выше, а именно четыре часа пятьдесят пять минут, Суд не может признать его непропорциональным, принимая во внимание количество задач, которые сотрудники ФСБ должны были выполнить, и неизбежные ограничения, связанные с ее перевозкой в городе такого размера и с таким оживленным движением, как Москва. Соответственно, Суд не находит нарушений в этом отношении.

221. Суд также отмечает, тем не менее, что фактическое время заключения второй заявительницы под стражу в протоколе ареста было указано как 19:30 вечера 19 мая 2011 года, т.е. время, когда составлялся протокол. Однако, принимая во внимание положения пункта 15 статьи 5 Конвенции, статьи 92 Уголовно-процессуального кодекса РФ, и Определение Конституционного Суда № 1902-О от 18 октября 2012 года, фактическим временем задержания является время, в которое лицо фактически было лишено свободы. В данном

случае речь идет о 14:35 пополудни, когда был завершен допрос второй заявительницы в качестве свидетеля и содержание ее под стражей перестало быть оправданным в силу подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции, но она стала лишенной свободы в качестве подозреваемой.

222. Поэтому Суд должен установить, порождает ли указание национальными властями в протоколе задержания неверного времени заключения второй заявительницы под стражу вопросы в соответствии со статьей 5 Конвенции.

223. Суд отмечает, что требование об указании фактического времени лишения лица свободы в протоколе задержания является важной гарантией против произвола. Это служит не только цели фиксации факта лишения свободы, но имеет прямое отношение к части 3 статьи 94 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которая предусматривает, что подозреваемый без постановления судьи может быть задержан на срок до сорока восьми часов.

224. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, во-первых, что еще в здании ФСБ власти четко информировали вторую заявительницу о своем намерении заключить ее под стражу на том основании, что она находится в международном розыске. Кроме того, из того факта, что ее адвокат присутствовал при составлении протокола задержания, следует, что она была в состоянии связаться с последним (см., напротив, постановление Европейского Суда от 9 ноября 2010 года по делу *Фархад Алиев против Азербайджана (Farhad Aliyev v. Azerbaijan)*, жалоба № 37138/06, пункт 165). Во-вторых, постановление о задержании второй заявительницы в качестве меры пресечения было вынесено Мещанским районным судом г. Москвы 20 мая 2011 года. Таким образом, в любом случае, с момента фактического задержания второй заявительницы в 14:35 пополудни 19 мая 2011 года и вынесением судом постановления о заключении ее под стражу, прошло менее сорока восьми часов (см., напротив, вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Фархад Алиев против Азербайджана*, пункт 166). Принимая во внимание вышеупомянутые факторы, Суд считает, что указание властями неверного времени заключения второй заявительницы под стражу в протоколе задержания, являясь фактом, достойным сожаления, тем не менее, не влечет за собой нарушения процессуальных гарантий против произвольного задержания.

225. Следовательно, данная жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом (a) пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПОДПУНКТА «F»
ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ВТОРОЙ
ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

226. Вторая заявительница также жаловалась, что ее задержание и последующее содержание под стражей с целью выдачи было произведено в нарушение статьи подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

А. Доводы сторон

227. Власти Российской Федерации оспорили этот довод. Они заявили, что содержание второй заявительницы под стражей с целью выдачи было произведено в полном соответствии с процессуальными нормами и временными рамками национального законодательства. Вторая заявительница и ее адвокат присутствовали на всех судебных заседаниях, касающихся ее содержания под стражей. Соответственно, содержание второй заявительницы под стражей было осуществлено полностью как в соответствии с национальным законодательством, так и с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

228. Она утверждала, что при санкционировании ее заключения под стражу в постановлении от 20 мая 2011 года Мещанский районный суд г. Москвы нарушил требования статьи 61 Минской конвенции 1993 года, поскольку в материалах дела не имелось никаких документов, представленных властями Таджикистана, подтверждающих их намерение добиваться ее выдачи. Кроме того, ни в данном постановлении, ни в постановлении о продлении срока содержания под стражей от 13 июля 2011 не указывалось, принимались ли какие-либо меры с целью ее выдачи. Вторая заявительница также утверждала, что ее содержание под стражей в период с 27 июня по 6 июля 2011 года являлось нарушением статьи 62 Минской конвенции 1993 года, и, следовательно, было незаконным в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Она указала, что была задержана 19 мая 2011 года, и, следовательно, сорокадневный период, предусмотренный в статье 62 Минской конвенции 1993 года, в течение которого российскими властями должен был быть получен запрос о выдаче, истек 27 июня 2011 года. Однако, Власти Российской Федерации не представили никакой информации относительно того, когда был фактически получен запрос о выдаче. Она узнала о запросе лишь после получения письма прокуратуры от 6 июля 2011 года, в котором дата получения запроса указана не была.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость

229. Суд отмечает, прежде всего, что жалоба, касающаяся законности содержания под стражей второй заявительницы после 19 мая 2011 года, впервые была подана в Суд 25 января 2012 года.

230. Таким образом, с точки зрения формальной законности, Суд обладает компетенцией рассматривать лишь срок содержания под стражей по постановлению районного суда от 13 июля 2011 года, пересмотренный по жалобе от 1 августа 2011 года (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Шакуров против России*, пункт 152).

231. Поэтому Суд рассмотрит вопрос о законности содержания под стражей второй заявительницы в период с 13 июля 2011 года по 16 ноября 2011 года, когда она была освобождена. Суд полагает, что данная часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также она не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, она является приемлемой.

232. Что касается продолжительности непрерывного срока содержания второй заявительницы под стражей в ожидании выдачи с 19 мая по 16 ноября 2011 года, Суд считает, что срок содержания под стражей является длящимся обстоятельством в той части, в какой это касается вопроса о проявленном усердии в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Таким образом, Суд будет оценивать данный период содержания под стражей целиком (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 19 марта 2009 года по делу *Полонский против России (Polonskiy v. Russia)*, жалоба № 30033/05, пункт 132; постановление Европейского Суда от 23 апреля 2009 года по делу *Губкин против России (Gubkin v. Russia)*, жалоба № 36941/02, пункт 134; и постановление Европейского Суда от 16 января 2007 года по делу *Солмаз против Турции (Solmaz v. Turkey)*, жалоба № 27561/02, пункты 34-37 в контексте статьи пункта 3 статьи 5 Конвенции). Суд полагает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Она также не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, она является приемлемой.

2. *Существо жалобы*

(а) *Вопрос о законности содержания под стражей второй заявительницы в период с 13 июля по 16 ноября 2011 года*

(i) Общие принципы

233. Суд повторяет, что статья 5 Конвенции закрепляет основное право человека, а именно защиту личности от произвольного вмешательства со стороны государства в его право на свободу (см. постановление Европейского Суда от 18 декабря 1996 года по делу *Аксой против Турции (Aksoy v. Turkey)*, пункт 76, *Отчеты о постановлениях и решениях 1996-VI*). Текст статьи 5 Конвенции дает понять, что содержащиеся в ней гарантии распространяются «на всех» (см. вышеуказанное постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства», пункт 162). Подпункты с (а) по (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции содержат исчерпывающий перечень допустимых оснований, по которым человек может быть лишен свободы, и никакое лишение свободы не будет являться законным, если не подпадает под одно из этих оснований (там же, пункт 163).

234. Суд напоминает, что выражения «законный» и «в порядке, установленном законом» в пункте 1 статьи 5 Конвенции, в сущности, относятся к внутригосударственному закону и устанавливают обязательство соответствовать материальным и процессуальным нормам закона. В первую очередь, именно национальные власти, а особенно суды, должны толковать национальное законодательство, и, в частности, правила, носящие процессуальный характер (см. постановление Европейского Суда от 10 августа 2006 года по делу *Тошев против Болгарии (Toshev v. Bulgaria)*, жалоба № 56308/00, пункт 58). Слова «в соответствии с процедурой, установленной законом» в пункте 1 статьи 5 Конвенции не просто отсылают к национальному праву, они также связаны с качеством этого законодательства, согласно которому оно должно быть совместимо с принципом верховенства права, концепцией, присущей всем статьям Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Стаффорд против Соединенного Королевства (Stafford v. the United Kingdom)*, жалоба № 46295/99, пункт 63, ECHR 2002-IV). «Качество закона» в этом смысле подразумевает, что если внутригосударственное право разрешает лишение свободы, оно должно быть достаточно доступным, точно сформулированным и позволяющим предвидеть последствия его применения, чтобы избежать любого риска произвола (см., среди других прецедентов, постановление Европейского Суда по делу *Дугоз против Греции (Dougoz v. Greece)*, жалоба № 40907/98, пункт 55, ECHR 2001-II).

(ii) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

235. Суд отмечает, прежде всего, что, в отличие от ряда предыдущих дел против России, касавшихся содержания под стражей с целью выдачи (см., среди многих других прецедентов, постановление Европейского Суда от 17 декабря 2009 года по делу *Джурраев против России* (*Dzhurayev v. Russia*), жалоба № 38124/07, пункт 68), постановление о задержании второй заявительницы в качестве меры пресечения было вынесено российским судом, а не иностранным судебным или несудебным органом, как и в недавнем деле *Шакуров против России*, упомянутом выше, пункты 157-61. Что касается рассматриваемого периода, Суд отмечает, что с 13 июля по 16 ноября 2011 года срок содержания второй заявительницы под стражей регулярно продлевался компетентным судом, в соответствии со сроками, установленными в статье 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ, и в соответствии с постановлением Верховного Суда РФ (см. пункт 112 выше, и, для сравнения, постановление Европейского Суда от 11 октября 2007 года по делу *Насруллоев против России* (*Nasrulloev v. Russia*), жалоба № 656/06, пункты 73-75). Законность такого содержания под стражей была пересмотрена и подтверждена судом кассационной инстанции.

236. Суд также отмечает, что районный суд указал срок содержания под стражей, сославшись на статью 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ. И районные, и областные суды оценивали законность содержания второй заявительницы под стражей и различные обстоятельства, которые считались применимыми, в том числе — ход процедуры выдачи.

237. Ни в национальных судах, ни в Суде вторая заявительница не привела какого-либо иного довода, который заставил бы Суд посчитать, что ее содержание под стражей являлось нарушением пункта 1 статьи 5 Конвенции. При таких обстоятельствах, Суд не считает, что национальные суды действовали недобросовестно, что они пренебрегли надлежащим применением соответствующего законодательства, или что задержание второй заявительницы в течение соответствующего периода времени под стражей было незаконным или произвольным.

238. Таким образом, нарушение подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием второй заявительницы под стражей с 13 июля по 16 ноября 2011 года отсутствовало.

(б) Вопрос о законности содержания второй заявительницы под стражей с целью выдачи

239. Суд напоминает, что обжалуемый период длился пять месяцев и двадцать девять дней. Он начался 19 мая 2011 года, когда вторая заявительница была заключена под стражу с целью выдачи, и

закончился 16 ноября 2011 года, когда она была освобождена. По причинам, представленным ниже, Суд не считает данный период чрезмерным.

240. Суд отмечает, что в период с 19 мая по 16 ноября 2011 года был произведен допрос второй заявительницы; Федеральная миграционная служба подтвердила, что она не имела российского гражданства, и никогда не была зарегистрирована по месту жительства; но что она была зарегистрирована в миграционном учете в качестве иностранного гражданина, проживающего в Москве; и Генеральная прокуратура РФ получила запрос о выдаче от Генеральной прокуратуры Таджикистана. Кроме того, Федеральной миграционной службой были рассмотрены ходатайства второй заявительницы о предоставлении ей убежища и статуса беженца. Поскольку не утверждается, что данное разбирательство в действительности не являлось частью процесса выдачи, они должны быть приняты во внимание при оценке того, находилась ли процедура выдачи в процессе осуществления (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Шакуров против России», пункт 165).

241. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд делает вывод о том, что на протяжении всего периода с 19 мая по 16 ноября 2011 года разбирательство о выдаче шло своим ходом и соответствовало национальному законодательству (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *Шакуров против России*, пункт 170).

242. В свете вышеизложенного, Суд удовлетворен, что требование в отношении усердия в данном случае было выполнено.

243. Следовательно, нарушения подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции в этом отношении не было.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ВТОРОЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

244. Вторая заявительница также жаловалась на нарушение пунктов 4 статьи 5 Конвенции и статьи 13 Конвенции, поскольку она была лишена эффективных средств правовой защиты, с помощью которых она могла бы обжаловать свое содержание под стражей. Суд рассмотрит жалобу на нарушение статьи пункта 4 статьи 5 Конвенции, поскольку она является *lex specialis* статьи 13 Конвенции в отношении содержания под стражей.

A. Доводы сторон

245. Власти Российской Федерации утверждали, что, с точки зрения доступности эффективного судебного пересмотра содержания под стражей в ожидании выдачи, вторая заявительница могла подать

жалобу в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ, и она воспользовалась этой возможностью. Данная жалоба являлась эффективным средством правовой защиты, поскольку суд мог распорядиться о ее освобождении в том случае, если бы ее содержание под стражей было признано незаконным. Власти Российской Федерации сослались на пример из отечественной практики, когда суд вынес решение об освобождении лица, находящегося под стражей в ожидании выдачи, поскольку постановление прокурора о заключении его под стражу было признано незаконным. Таким образом, по их мнению, доступные средства соответствовали требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции. Кроме того, по мнению властей Российской Федерации, если бы было установлено, что вторая заявительница незаконно подверглась превентивным мерам 19 мая 2011 года, она имела бы право на компенсацию в соответствии со статьей 133 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Жалоба второй заявительницы на постановление от 20 мая 2011 года было рассмотрено Московским городским судом на слушании 8 июня 2011 года, о чем свидетельствует протокол судебного заседания. Данное рассмотрение судом ее жалобы не было упомянуто в решении от 8 июня 2011 года по причине канцелярской ошибки. Жалоба второй заявительницы на постановление от 13 июля 2011 была получена Мещанским районным судом незадолго до рассмотрения кассационной жалобы, и Московский городской суд не имел никакой информации о ее подаче. Соответственно, суд рассмотрел лишь кассационную жалобу, поданную адвокатом второй заявительницы. Ее адвокат, который присутствовал на слушаниях, не сообщил суду о наличии еще одной кассационной жалобы.

246. Вторая заявительница настаивала на своей жалобе. Она утверждала, что национальные суды не смогли должным образом рассмотреть ее жалобу относительно ее якобы непризнаваемого задержания в период с 9:00 утра по 19:30 вечера 19 мая 2011 года. Она также утверждала, что статья 133 Уголовно-процессуального кодекса РФ не может считаться эффективным средством правовой защиты, поскольку она предусматривает лишь право получения возмещения, включая компенсацию морального вреда, в отношении лиц, обвиняемых в совершении уголовного преступления или незаконно подвергшихся мерам пресечения. Тем не менее, в ее случае и прокуратура, и Мещанский районный суд г. Москвы установили, что никаких нарушений закона не было. Кроме того, вторая заявительница настаивала на том, что у нее не было возможности оспорить ее содержание под стражей с 27 июня по 6 июля 2011 года, которое якобы было произведено в нарушение национального законодательства. Она также оспаривала доводы властей Российской Федерации о том, что ее жалоба на постановление о заключении под

стражу от 20 мая 2011 была рассмотрена, поскольку никакой ссылки на нее в решении Московского городского суда от 8 июня 2011 года не имелось. Что касается комментариев, представленных властями Российской Федерации в отношении отказа Московского городского суда рассмотреть ее жалобу на постановление о продлении срока содержания под стражей от 13 июля 2011 года, она утверждала, что, во-первых, утверждение о том, что жалоба была получена с опозданием, являлось необоснованным, поскольку, в соответствии с почтовой отметкой на конверте, оно было получено Мещанским районным судом г. Москвы 26 июля 2011 года, за четыре дня до рассмотрения жалобы. Во-вторых, даже если предположить, что жалоба действительно была получена судом кассационной инстанции с опозданием, статья 389 Уголовно-процессуального кодекса РФ содержит ясное указание, что в такой ситуации суд кассационной инстанции должен был рассмотреть дело еще раз. В заключение, вторая заявительница отметила, что доводы ее адвоката не были должным образом рассмотрены судом кассационной инстанции в ходе слушания 1 августа 2011 года. Следовательно, по ее мнению, имелись многочисленные нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость

247. Суд полагает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также она не является неприемлемой на каком-либо ином основании. Следовательно, она является приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

248. См. пункты 174-81 выше.

(б) Применение вышеупомянутых принципов к настоящему делу

249. Суд отмечает, что, как и в случае с первым заявителем, постановление о заключении второй заявительницы под стражу было вынесено российским судом, а не иностранным судебным или несудебным органом. Нет никаких сомнений, что данный суд удовлетворял требованию о «суде», упомянутом в пункте 4 статьи 5 Конвенции (см. пункт 181 выше).

250. Он также отмечает, что первоначальное постановление о заключении под стражу было вынесено по ходатайству прокуратуры, и что именно в этом распоряжении суд установил срок содержания

второй заявительницы под стражей, который мог продлеваться. До истечения указанного срока, содержание под стражей впоследствии могло продлеваться на основании ходатайств о продлении срока содержания под стражей со стороны прокуратуры, что и произошло 13 июня 2011 года, также на определенные периоды времени. Вторая заявительница была освобождена после отказа в запросе о выдаче, проведя в заключении пять месяцев и двадцать девять дней.

251. Как представляется, суд первой инстанции был в состоянии оценить условия, которые, в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, имели важное значение для «законности содержания под стражей» с целью выдачи (см. пункты 174 и 178 выше), Суд считает, что вышеуказанное разбирательство представляло собой форму периодического обзора судебного характера (см. пункт 179 выше).

252. Кроме того, вторая заявительница в соответствии с российским законодательством имела возможность обжаловать постановления о заключении под стражу в суд высшей инстанции, которые имел все полномочия для рассмотрения их по различным основаниям. Она обжаловала постановления о заключении под стражу от 20 мая и 13 июля 2011 года. Данные жалобы были рассмотрены 8 июня и 1 августа 2011 года, соответственно. Тот факт, что жалобы второй заявительницы были отклонены, не является достаточным для того, чтобы сделать вывод об отсутствии у вышеуказанных средств каких-либо шансов на успех. Как и в случае разбирательства в суде первой инстанции, представляется, что разбирательство в суде апелляционной инстанции позволяло оценить законность содержания второй заявительницы под стражей с целью выдачи.

253. Принимая во внимание вышеизложенное, а также соображения, изложенные выше в пункте 186 в отношении аналогичной жалобы первого заявителя, которые равным образом применимы и к ситуации второй заявительницы, Суд считает, что вторая заявительница, тем самым, имела возможность «инициировать разбирательство», посредством которого правомерности ее заключения под стражу могла быть дана эффективная оценка судом.

254. Что касается отдельных процессуальных недостатков, по утверждению второй заявительницы, Суд не смог установить какие-либо процессуальные нарушения, которые могли бы поставить под сомнение эффективность доступного ей судебного пересмотра.

255. Следовательно, нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции не было.

VIII. ПРАВИЛО 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

256. Суд напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, настоящее постановление не вступит в силу: (а) пока стороны не заявят, что они будут просить о передаче дела в Большую Палату, либо (б) до тех пор, пока не пройдет трех месяцев с даты вынесения постановления, если не поступит обращение о передаче дела в Большую Палату, либо (с) Коллегия Большой Палаты отклонит обращение о передаче дела согласно статье 43 Конвенции.

257. Суд считает, что указание, сделанное властям Российской Федерации в соответствии с правилом 39 Регламента Суда (см. пункт 4 выше), должно оставаться в силе, пока настоящее постановление не вступит в силу, или пока Суд не примет дальнейшее решение в этой связи.

IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

258. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

259. Заявители требовали 30 000 евро (EUR) компенсации морального вреда, причиненного чувством страха, разочарованием, стрессом и душевной болью первого заявителя в результате высокого риска применения пыток в случае выдачи в Таджикистан, длящегося периода якобы незаконного содержания под стражей, формулировками решений судов, и душевными страданиями второй заявительницы в связи с произвольным лишением ее свободы и якобы незаконным содержанием под стражей.

260. Власти Российской Федерации сочли заявленные требования чрезмерно высокими. Они утверждали, что если Суд установит нарушение прав заявителей, сам факт установления нарушения будет представлять достаточно справедливую компенсацию. Власти Российской Федерации сослались на постановление Европейского Суда от 24 апреля 2008 года по делу *Силин против России (Silin v. Russia)*, жалоба № 3947/03; и постановление Европейского Суда по делу *Рякиб Бирюков против России (Ryakib Biryukov v. Russia)*, жалоба № 14810/02, ЕCHR 2008 года.

261. Что касается первого заявителя, Суд отмечает, что нарушения статьи 3 Конвенции пока не произошло. Соответственно, Суд считает, что его вывод в отношении статьи 3 Конвенции сам по себе является достаточной справедливой компенсацией в целях статьи 41 Конвенции.

262. Что касается второй заявительницы, поскольку в отношении нее не было установлено какого-либо нарушения Конвенции, Суд никакой справедливой компенсации ей не присуждает.

Б. Судебные издержки и расходы

263. Заявители также требовали 6 800 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных ими в национальных судах и в Европейском Суде. Заявленная сумма охватывает пятьдесят два часа работы Н. Ермолаевой при почасовой ставке в размере 100 евро, в общей сложности — 5 200 евро, за представление интересов заявителей в Суде, и шестнадцать часов работы И.З. Рябининой при почасовой ставке в размере 100 евро, в общей сложности — 1 600 евро, за представление интересов заявителей в национальных судах и в Суде. Заявители приложили договор на представление им юридических услуг от 13 июля 2011 года и счета на заявленные суммы.

264. Власти Российской Федерации утверждали, что заявленные суммы являются чрезмерными. Суд напоминает, что для включения судебных расходов в размер компенсации в соответствии со статьей 41 необходимо установить, что они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру (см. среди других прецедентов, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Ротару против Румынии (Rotaru v. Romania)*, жалоба № 28341/95, пункт 86, ECHR 2000-II).

265. Суд отмечает, что если он устанавливает факт нарушения Конвенции в отношении заявителя, он может присудить ему компенсацию расходов и издержек. Согласно прецедентному праву Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек, только если он продемонстрировал, что данные расходы были понесены в действительности, по необходимости и в разумном количестве. В данном деле, учитывая, что в отношении второй заявительницы никакого нарушения Конвенции установлено не было, с учетом документов, имеющих в его распоряжении и вышеуказанных критериев, Суд полагает, что разумно присудить первому заявителю 3 400 евро в качестве компенсации расходов и издержек по всем пунктам. плюс налог, который может взиматься с данной суммы.

В. Пени

266. Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

**НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД
ЕДИНОГЛАСНО:**

1. *объявляет* жалобы первого заявителя в соответствии со статьями 3 и 13 Конвенций, подпунктом (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции относительно общей продолжительности его содержания под стражей в ожидании выдачи, и статьей 4 статьи 5 Конвенции в отношении эффективного судебного пересмотра его содержания под стражей в ожидании выдачи, и жалобы второй заявительницы в соответствии с подпунктом (f) пункта 1 и пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении эффективного судебного пересмотра ее содержания под стражей в ожидании выдачи приемлемыми, а остальную часть жалобы — неприемлемой;
2. *постановляет*, что если решение о выдаче первого заявителя в Таджикистан будет исполнено, будет иметь место нарушение статьи 3 Конвенции;
3. *постановляет*, что нет необходимости рассматривать жалобы отдельно в соответствии со статьей 13 Конвенции;
4. *постановляет*, что в отношении первого заявителя не было допущено нарушение подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции;
5. *постановляет*, что в отношении первого заявителя не было допущено нарушение подпункта 4 статьи 5 Конвенции;
6. *постановил*, что в отношении второй заявительницы не было допущено нарушение подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции;
7. *постановляет*, что в отношении второй заявительницы не было допущено нарушение подпункта пункта 4 статьи 5 Конвенции;
8. *решает* повторно указать властям Российской Федерации, в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда, что желательно в

интересах надлежащего проведения разбирательства не выдавать первого заявителя до тех пор, пока настоящее постановление не станет окончательным или до момента дальнейшего распоряжения;

9. *постановляет,*

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить первому заявителю сумму в размере 3 400 (три тысячи четыреста) евро в качестве компенсации судебных издержек, подлежащую переводу в национальную валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты, включая любые налоги, которые могут быть взысканы с этой суммы;

(б) что по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на указанные суммы начисляется простой процент в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента;

10. *отклоняет* оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке 20 июня 2013 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь Секции

Изабелла Берро-Лефевр
Председатель